

«ОГНЕННОЕ ЗЕЛЁ»

В Вихре
Времени

Град Китеж
против Батия

Владислав СТРЕЛКОВ

Владислав Валентинович Стрелков

«Огненное зелье». Град Китеж против Батыя

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11635773

Стрелков, Владислав Валентинович. «Огненное зелье». Град Китеж против Батыя:

Издательство «Э» : Яуза; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-82519-6

Аннотация

Если над Святой Русью нависла смертельная угроза, если Батыевы полчища уже вторглись в приграничные княжества и движутся на север, уничтожая всё на своем пути, – кто спасет Русскую Землю от гибели?

Лишь пришелец из нашего времени, способный изменить ход истории и предотвратить двухвековое Иго!

Он один знает, как изготавливать «огненное зелье» (порох), лить пушки, делать ракеты и закладывать фугасы.

Он возглавит оборону против Орды и даст степнякам решающий бой у стен града Китежа!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владислав Стрелков «Огненное зелье». Град Китеж против Батыя

*Тут рассветы горят и поют соловьи.
Ветры в рощах шумят. Тихи воды твои.
Ты скажи, Светлояр, память предков открой,
Покажи святой град. Дай душевный покой.
Но молчит Светлояр. В роще ветер шумит.
Скрыл он тайну свою, лишь волною рябит.
И летят облака в отраженьи твоём,
В синих водах храня тайну давних времен.
Я в густую траву на твоём берегу,
Закрывая глаза, отдохнуть упаду.
Стихли птицы вокруг. И в лесной тишине
Стали звон, боя звук вдруг услышится мне.
Это предки мои, защищая свой дом,
Перед градом святым тут сражались с врагом.
Гром набата и плач. Треск пожара и смрад.
Так в огне погибал мой святой Китеж-град.
И, молитвы воздав, лик Христа вознося,
Русь ушла в Светлояр, град в сердцах унося.
И раскрыл Светлояр глубину своих вод!
От безумства смертей, вражеских яростных орд
Скрыл в тумане своём вольный русский народ.
И опять Светлояр лишь волною рябит.
Вдаль летят облака. Ветер в роще шумит.
Тайну града в веках Светлояр сохранил.
Виден град лишь тому, кто сердце открыл.
В светлых водах твоих, сохранённый с тех лет,
Китеж-град мне открыл предков славных завет.
Все заветы отцов точно я передам.
Расскажу я о том внукам и сыновьям.
Моя память горит ярким, жарким огнём.
И стоит Китеж-град крепко в сердце моем.*

© Стрелков В.В., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

А-а-а! Приснившийся кошмар сдернул меня с кровати. Немного посидел, пялясь на сумеречное окно, затем обтер пот с лица и поковылял в ванную. Отражение в зеркале пугало: оброс, щетина превратилась уже в небольшую бороду, но бриться не буду. Умылся и, на ходу вытираясь, дохромал до окна. Рассвело, точнее посветлело. Белые ночи, если можно так назвать. В июне по-настоящему темно часа три. Туман молочным киселем разлился между поселком и лесом. Взял сигареты и вышел на крыльцо. Ежась от прохлады, закурил. Вспомнил сон. С кем я там рубился? С каким-то степняком, вроде. Почему именно с ним? И меня опять убили!

У каждого человека бывает полоса неудач. Но когда неудачи идут чередой, начинаются срывы. Первый срыв случился, когда я вернулся из госпиталя домой. Тяжелое ранение, вкупе с тем, что я оказался единственным выжившим из всей разведгруппы, оставило след на душе. Дома я обнаруживаю пустую квартиру и емкую записку: «Я полюбила другого». Что говорить – запил. Тяжело и надолго. И в первый раз приснился этот кошмар. Непонятный. Очень реалистичный. Пугающий.

Дальнейшая служба была под большим вопросом, так как после ранения правая нога перестала сгибаться. Последовала череда операций, помогло мало: сустав начал гнуться, но немного – достаточно, чтобы хоть ходить нормально. Однако трость все равно была нужна. Про бег уж и говорить нечего. Если садился, то правую ногу приходилось выставлять вперед. Меня перевели в инструкторы. Тренировал ребят и заодно пытался разработать сустав, применяя различные методики. Все бы хорошо, но такая ровная жизнь меня не устраивала. Хотелось действия, адреналина. Десять лет в спецназе, постоянно по горячим точкам, предельные нагрузки – все это теперь мне недоступно. Что делать потенциальному инвалиду, умеющему только воевать? Ребята меня понимали. Подбадривали, как могли, но легче не становилось, и с лечением ноги – никаких подвижек.

Потом грянул новый удар – в автокатастрофе погибли родители. После похорон запил. Тяжело. И вновь приснился этот кошмар. Почему меня убивают раз за разом? Может, потому, что в реальной жизни не погиб?

Вернулся в дом. Три часа ночи. Что делать, спать? В голову ничего не шло, кроме как принять «лекарства» и завалиться в постель. Взял из холодильника початую бутылку водки и налил стакан. Выпил, закусывать не стал. Чуть подумал... и выпил остатки водки прямо из горла. После лег и сразу заснул.

Встал уже в десять, еле поднялся. Чувствовал себя старой боксерской грушей. Даже нога начала болеть сильнее, чем обычно. Настроение, согласно утренней поговорке, – почти ноль. Открыл холодильник, взял банку с рассолом и весь выпил. Немного придя в себя, подумал: что делать буду? Вот ведь, докатился – заняться нечем. Ноющая боль в ноге напомнила о ходьбе. Надо расхаживаться. Но просто так ходить неинтересно. В лес пойду, на тихую охоту.

Надел старый, почти выцветший камок, берцы, прихватил сигареты. Корзину в руку и термос с кофе на плечо. Закрыв дом и через пять минут был у опушки.

Вот и лес. Не тот, что в кино снимают. Иногда такое ощущение возникает, что режиссеры настоящего леса никогда не видели. В парках снимают свое кино. В настоящем лесу кучи старой листвы и осыпавшейся хвои, сухие сучья и поваленные ветром деревья. А в фильмах все чисто и вычесано, как парк у дома отдыха. Усмехнулся, представив себе, как какой-нибудь герой из таких горе-фильмов пронесся бы с той же скоростью здесь, например – руки-ноги переломал бы.

Ага! Вот первый боровичок. Обрезав ножку гриба, сунул в корзину. Белые грибы растут небольшими семействами, и если нашел один, то рядом надо искать еще. Оглядев местечко, я пошел по спирали, тростью вороша траву и заодно оглядывая и пройденное. А вдруг не заметил какой-нибудь гриб с прежнего места? Обойдя полянку, нашел с десяток. Двинулся дальше, поглядывая под ногами.

Воздух в лесу пьянящий. Смесь свежести, запаха зелени и грибов, земляники, из которой получается самое вкусное варенье. Смешанный лес имеет более колоритный запах, чем березовый или сосновый. Он же и грибами богаче.

Обошел несколько полянок. В корзине грибов было мало, только-только дно покрыло. А попадаться перестали. Не беда, знаю одно место. У огромного дуба – примечательного, надо сказать. Толстый ствол в несколько обхватов, местами закрытый шубой мха, с мощными корнями и огромной кроной. Само дерево стояло обособленно, на небольшом, метра в полтора, возвышении, относительно ровном, покрытом камнями, мхом и мелкими молодыми дубками, что смогли прорасти под большой кроной своего папы. Возвышение было овальным, примерно метров двадцать в ширину и с тридцать в длину. По краям редко стояли сосны и березы, росли небольшие кусты орешника. Там-то как раз и растут одни белые, и никогда не бывает червивых. Правда, идти туда километра четыре. Не велико расстояние, однако придется пробираться через завалы сухих деревьев и чапарыжника. Местами елки растут чуть ли не в обнимку и образуют настоящие засеки. Можно обойти, но тогда расстояние увеличивается в три раза, и придется переходить через топкие заливчики небольших рек.

На это место я набрел случайно, когда в первый раз, дорвавшись до грибного леса, совсем не следил куда иду. Ну и заплутал. Потом, когда, набрав полную корзину всячины, спохватился, не зная, где оказался, решил идти напрямую, ориентируясь по солнцу. Продираясь сквозь еловые заросли, выбрал к дубу, где и обнаружил, что тут растут одни белые крепыши. Не сравнить с тем, что лежит в корзине. Какая-то смесь из мятых сыроежек, червивых подберезовиков и красноголовиков. Решительно вывалил все на землю и пошел по откосу, срезая боровички.

С тех пор это было мое тайное место. Пусть идти далеко, но зато хороших грибов набрать можно.

Наконец дошел, можно сказать, доковылял. Остановился, любясь великолепной картиной: огромный дуб с подсвеченной солнцем кроной, а вокруг высокие стройные сосны.

Красота! И божественный запах. Щебет птичий аккомпанирует еле слышному шуму листвы. Эта музыка леса как бальзам на сердце усталого и израненного тела.

Сделал шаг и чуть не наступил на гриб. Ишь, как спрятался! За листьями ландыша притаился. Присел, потянулся к грибу, тут же увидел другой. И, как всегда, ничуть не торопясь, в течение минут двадцати набрал полную корзину белых. Теперь и отдохнуть не мешает. Нога расходилась и почти не болит, однако посидеть стоит.

Опираясь на трость, взобрался по откосу и направился к дереву-гиганту, у которого имелось удобное местечко, образованное изгибами корней и очень похожее на кресло, которое природа «обтянула» густым мхом. Венчала это кресло здоровенная шишка, или нарост, на стволе, но он почти не мешал. Если сидеть, то чуть больше пяти сантиметров над головой.

Вот тут я и собирался отдохнуть. Очень удобно. Правая нога вытянута и покоится на мховом покрывале. Спина облокотилась на ствол, кора тут не такая ребристая.

Все бы хорошо, но заныл сустав, будь он неладен. Пока ходишь, не беспокоит, если, конечно, не пытаться присесть на правую ногу. А как сядешь... ладно, потерплю. Посижу немного, отдохну – и домой.

Взял термос, налил немного в крышку-кружку кофе, выпил. В следующий раз лучше чаю заварить, с шиповником и мелиссой. Достал сигареты и закурил, любуясь на лесной пейзаж, красиво подсвеченный солнечными лучами.

Вот где надо отдыхать! Тут даже комаров нет совсем. Когда собирал грибы вокруг вышени – были, а рядом с дубом – нет. Может, здесь что-то растет, чего они не любят?

Докурив, сунул окурочок между мхом и тщательно затушил.

– Кгарrrrrg!

Я подскочил от неожиданности и больно треснулся о нарост. Держась за голову, огляделся. Слева, метрах в двух, на камне сидел огромный – как сажа черный – ворон и смотрел на меня.

– Блин, напугал. – И, пощупав растущую шишку, добавил: – Чертило пернатое!

Ворон повернул голову и, раскрыв мощный клюв, вновь проорал:

– Кгарrrrrg.

После чего подпрыгнул, взлетел и, маневрируя среди стволов, скрылся в лесу.

Проводив глазами наглую птицу, поднялся. Стоп, а где корзина? Обошел дерево. Корзины нигде не было. Что за напасть? Куда она девалась-то? Не ворон же унес, хотя я же видел, как он улетал.

– Эй, кто тут шутит? В торец захотел?

Тишина.

Оп-па, и трость куда-то подевалась! Что за шутки? И тут замер от неожиданного открытия – нога не болела. Совсем. И сустав сгибался, как у молодого. Задрал штанину и устался на ногу.

– Вот, етить!

Там, где был узор из шрамов, была ровная кожа. Обалдеть! Резво стащил куртку, чуть не оторвав пуговицы, задрал тельник – на животе и боках никаких следов от ран. Так же были чисты предплечья. На спину не посмотреть, но и там, скорей всего, никаких шрамов.

В голове завертелись мысли с вопросительным знаком, но логичного объяснения не находилось. Ну, не ворон же своим карканьем мне все шрамы рассосал? Кашпировский во фраке!

Мое чудесное излечение, хоть и необъяснимое, прибавило настроения. Похлопав по карманам, провел инвентаризацию: зажигалка и сигареты на месте, причем сигарет в пачке с десятком. Что еще? Так, нож здесь...

Термос! На мне его нет – как снял его, чтобы налить себе кофе, так и повесил на сухом сучке, рядом с камнем. Но термоса я не обнаружил. Интересные дела творятся!

Подошел к месту, где оставлял корзину, и принялся его изучать. Странно, нет даже следов, что тут могло что-то стоять. Да что же это такое? Что происходит? В раздумьях делал еще круга три. Посмотрел на часы – ровно семнадцать. Быстро время пролетело! Где же корзина, куда подевался термос и трость? Чертовщина какая-то! Как могли незаметно для меня исчезнуть три вещи?

Чьи это шутки? Хотя вылеченная нога – бонус хороший. Надо домой идти. Завтра приду разбираться. Не кружить же сейчас вокруг дуба, как спутник. Итак, тропу уже натоптал.

В последний раз, все внимательно оглядев и искомого не обнаружив, поплелся в сторону поселка. По дороге, продираясь через куст орешника, вдруг обнаружил, что не узнаю тропу.

Нет, заблудиться я не мог. Ориентирование в подкорку вбито. Солнце слева и чуть сзади, все правильно, но я не узнаю лес. Другой он. Должен быть смешанный, а тут только сосны с елками. Но ложбина та же, если вдоль нее идти, аккуратно к поселку и выйдешь.

Вышел на небольшую поляну и с удивлением увидел через ряд кустов орешника пашню. Что за ерунда, у поселка давно никто не пахал. Трава была по пояс. Выкосили и распахали, пока я по лесу ходил? Обойдя кусты, остолбенел. За вспаханным полем, у леса, которого там НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ, стояли то ли сарай, то ли дома. Вновь зачесалась голова от мыслей. Куда-то не туда я вышел. Огляделся. Место вроде то, но лес другой, то есть стоит не так.

Справа слышались голоса. Кто там? На краю поля, за двумя вроде бы быками, мужик в странном наряде какой-то корягой пашет землю. В конце пашни, у берез, носятся несколько детей в каких-то мешках, не разберешь. Пойду спрошу, может, что прояснится.

Пока шел, разглядывал эту странную компанию, и с каждым шагом возникали новые вопросы.

Главное, где я, куда попал и как до дому добраться?

Что это за люди?

Почему так странно одеты?

Почему пашет землю допотопным орудием – кажется, рало называется, или орало, а может, соха?

Мужик, одетый в длинную серую рубаху по колено, уже промокшую от пота, штаны, чуть темней, чем рубаха, и босой, напрягаясь, наваливался на ручки.

Щелк!

– Хей, дохлые!

Только сейчас разглядел еще одного паренька лет двенадцати, что шагал сбоку от быков, подбадривая их хлыстом. Одет так же. Наверное, мода такая. В конце пашни в тени березы на земле сидел голый малыш не старше двух лет, а рядом, размахивая палкой, прыгал пацан лет шести в одной длинной рубахе. Похоже, у семейства с одеждой напряг, или старообрядцы какие-нибудь. Вот только откуда они тут взялись?

Мужик довел борозду и выдернул соху из земли. Потом босой ногой счистил немного налипшей земли с резца, и отшлифованное почвой железо засияло, как серебро. Надо же, совсем как плуг. Тут мужик перекрестился и что-то пробормотал. Ну, точно старообрядцы!

Мне осталось шагов десять сделать, как мужик повернулся и крикнул в сторону березы:

– Третьей, сбегай в дом, мать позови. Да скажи – пусть снесь несет сюда, здесь поснедаем. Потом допашу.

Паренек развернул быков, откинул к небольшому пеньку вожжи и петлей закрепил их на нем, потом выпряг быков из сохи. Быки тут же потянулись к траве. Средний пацан, что Третьем назвали, вприпрыжку побежал к домам, что я сначала принял за сараи.

Надо ж, Третьей. Это третий, значит? Если он третий, а по росту средний, значит, есть еще один, старший. Что это сыновья этого мужика, я не сомневался. Тем временем паренек, что помогал с быками, уселся рядом с малышом. Интересный малыш – сидит молча, не капризничает, как некоторые, что-то теребит в руках...

Я уж подошел к мужику, когда он наклонился и, подняв небольшой кувшин, стал жадно пить.

– Ух, хорошо! – Он поставил на землю кувшин, утер рукавом русую бороду и посмотрел на вспаханное поле.

– Здравствуйте.

Но мужик продолжал, щурясь, смотреть на пашню.

– Здравствуйте! – громче повторил я. Вдруг он глуховат?

Мужик что-то пробормотал, перекрестился, развернулся и пошел к детям у березы. Не понял? Он что, еще и слепой?

– Эй! Вы меня слышите? – Я его догнал и схватил за плечо. Вернее, хотел схватить.

Моя рука пролетела сквозь мужика, и я от неожиданности плюхнулся на землю. Все мысли вылетели из головы и тут же вернулись миллионным роем. В голове загудело. Больно, как шершни, стали жалить страшные мысли.

Что это было?!

Своими глазами видел, КАК МОЯ РУКА ПРОШЛА СКВОЗЬ ТЕЛО ЭТОГО МУЖИКА!

Что это значит? Я умер?

Когда? Когда о дуб треснулся? Поднял руку и потрогал место, где на голове была огромная шишка.

Шишки НЕ БЫЛО! Как будто и не трескался о ствол! И не болит ничего. Может, поэтому с ногой все в порядке? Кто я теперь, дух или привидение? А шрамы исчезли, потому что у привидений их быть не может?

Я вскочил и помчался к березе, где мужик уже полулежал рядом с детьми и что-то с улыбкой слушал. Мне не до улыбок было. Подбежав и размахивая руками, заорал:

– А-а-а, мужик, а мужик, скажи?

Махнул рукой, которая, как прошлый раз, прошла через тело, меня пронесло чуть вперед, упал на траву и замер. Паника отхлынула, и я закрыл глаза и стал думать. Надо спокойно подумать, как говорится в известной передаче «Что? Где? Когда?». Очень, оказывается, важные вопросы.

Итак – что произошло? Собственно, черт его знает. Вернулся из леса, где грибы собирал. Белые, не мухоморы, а глючит, как будто собрал все бледные поганки в лесу и тут же все сожрал.

Кошмар!

Так, следующее – где? Попал туда, не знаю куда. Местность вроде знакомая, но различия есть. Лес почти такой же, но его чересчур много. И там, где должен поселок стоять, тоже лес. А на поле, у начала пашни, старая ферма была, а сейчас ее и в помине нет.

Вот насчет когда? – тут вообще мрак. Самое интересное – когда этот кошмар кончится?

Я раскинул руки и левой рукой ударился о камень. Подскочил. Больно! Значит, не привидение! На всякий случай щипаю себя за мочку уха – больно. Как ни странно, боль в радость. Что еще?

Рассматривая свою руку, вспомнил про часы. Времени, кажется, прошло – вечность. Часы показывали девятнадцать тридцать семь. Надо же, а думал, действительно вечность прошла. По лесу от дуба два часа спокойным ходом. Немного, минут пять, стоял у поля. И полчаса кошмара! Рука сама собой лезет в карман: сигареты и зажигалка на месте, пачка смята. Открываю: девять штук. Закурил.

– Ну, проголодались, пахари? Волош, а где Первуша?

Это кто Волош? Это мужика Волошем зовут? Я повернулся. К березе подходила удивительной красоты женщина. Она с трудом несла по большому кувшину в каждой руке, а за ней Третьей тащил корзину. Когда она подошла ближе, увидел, что она беременна. Да, силен мужик! Четверых пацанов заделал, и еще будет. Уважаю. Ну, точно старообрядцы. Столько детей иметь в наше время – это подвиг.

– Ох, страсть как голодны, Агаша, счастье мое. – Волош поднялся, перехватил кувшины из рук и поставил на траву. – Старшего я до запруды послал, верши проверить. Коль припоздает, то вечерять один будет. Треша, ставь корзину здесь.

Имена-то у них какие! Давно не слышал, чтоб так людей называли. Агаша – это, кажется, полностью Агафья?

Агафья, в просторном белом платье, похожем на большой сарафан, перетянутом сразу под грудью, устало опустилась на траву. Смахнула платок, повязанный узлом назад, и, оглядев сидящих, спросила:

– А чем здесь пахнет, будто горит что?

Все завертели головами и стали принюхиваться, а малыш соорудил рожицу и выдал:

– Тья-тья ух.

Я посмотрел на дымящуюся сигарету. Неужели чувствует дым? Легкий ветерок дул чуть в сторону от них, и запах от дыма сигареты могли учуять все. Волош, было вскочивший, сел обратно.

– Нет, кажется тебе, Агаша. Дыма нигде не видеть. Давайте есть, а то мне еще допахивать надо.

Агафья принялась выкладывать из корзины завернутую в полотенца еду и тут же раскладывать.

Ого! Пирог разные, яйца, горшочки с чем-то и еще много чего на вид аппетитного. Быстро уставив все на расстеленном полотенце, Агафья сняла с кувшинов тряпицу и достала из корзины кружки.

Берестяные! Вот это да! Странная экономия у них. А чай они из чего пьют?

Волош смотрел на жену и улыбался:

– Ох, сколько всего наготовила, красавица моя.

– Полноте, ну, с Богом!

Все принялись читать молитву, и я с удивлением услышал, как через общее бормотание, пробивается отчетливый лепет малыша. Закончив молиться, Волош взял кусок пирога и принялся есть. Остальные тоже взяли по куску. Агафья разлила из одного кувшина молоко по кружкам и расставила каждому из детей. Потом одну из кружек подала малышу, и он, проливая на себя, стал пить. Агафья улыбнулась.

– Не торопись, горе мое.

Волош, прожевав кусок пирога, тоже улыбнулся.

– Слышала бы ты, как он «Отче наш» читал. Все правильно говорил, почти не ошибался. Умница, Глебушка наш. – И, протянув руку, взъерошил русые волосы малыша.

Семья трапезничала с таким аппетитом, что у меня невольно слюни потекли.

Блин! А ведь я со всеми этими приключениями как-то не заметил, что голодный давно. Дома позавтракал только и весь день кофе пил. А от разложенной на траве всякой всячины пахло обалденно. Интересно, если я приведу, то почему чувствую боль и есть хочу? И чем, интересно, привидения вообще питаются? Привстал и устался на пироги.

Агафья, посмотрев на то место, где сидел я, нахмурилась. Волош, перестав жевать, спросил:

– Что, Агаш?

– Да вот опять почудилось, что дымом пахнет.

– Почудилось, не горит ничего. Пирог есть еще? Первухе оставить надо.

– Да ешьте все, в доме еще есть. Я много напекла.

И опять посмотрела в мою сторону. Нет, она определенно чувствует что-то. Я поднялся и двинулся по кругу, обходя семейство. Интересно, если моя рука проходит через тела, то как я хожу? Я остановился и потопал по земле. Хм, и удары чувствую, и вроде трава приминается. Так, а если приминается, то я имею вес. И если они меня не видят, то могут видеть следы. Правда, трава тут же поднимается. Надо ходить осторожно. Не хотелось пугать детей и беременную женщину.

Опять посмотрел на пироги. Так, людей мне не коснуться, но по лесу я шел, и ветки деревьев, мешающие мне пройти, легко убирались в сторону рукой. Значит, предметы можно взять. А что взять? Поблизости только кувшины и оставшиеся два куска пирога. Я посмотрел на семейство. Они спокойно ели, вниз на еду никто не смотрел. Я протянул руку и коснулся пирога. Ура! Сдвинулся. Так что это значит? А значит, что я могу здесь что-то взять. Чувствую, какая-то. Предметы рукой сдвигаются, а людей рука не чувствует. Как это понимать? Может,

это не я тут привидение, а они всей семьей? А может, это все сон? Только длинный какой-то. Или я в коме, с нескончаемым кошмаром?

– Чудесно, едрит твою! – выругался я.

И тут же заметил, что маленький Глеб смотрит в мою сторону. Улыбнулся ему и показал язык. Он засмеялся. Оп-па, а ребенок-то меня видит! И слышит, я ведь ругнулся в голос.

Волош посмотрел на Глеба и снова взъерошил ему волосы.

– Наелся, радость наша? – Потом оглядел остальных. – Ну, богатыри, пора дело закончить. Агаша, забери младшего в дом.

Я с сожалением смотрел, как остатки пирога Агафья убирает в корзину.

– Кгарrrrrg!

Я вздрогнул. На пашне сидел давешний огромный ворон и смотрел на людей. Агафья, выронив берестяные кружки, перекрестилась и забормотала «Отче наш». Волош, схватив кружку, кинул в ворона.

– Кыш, проклятый!

– Кгарrrrrg!

Ворон, подпрыгнув, взлетел и быстро скрылся за лесом.

– Не к добру, – хмуро пробормотал Волош.

Меня тоже кольнуло нехорошее предчувствие. И тут же мелькнула мысль! Задрал рукав и вздохнул – шрам не появился. Может, ворон другой? Протянул руку к мужику, но пальцы, не встречая сопротивления, вновь прошли сквозь тело.

– Боярин!

Все обернулись на крик. От леса, что рядом с домами, бежала какая-то девчонка. Волош посмотрел, прикрываясь рукой от солнца, и сказал удивленно:

– Это же Веря. Откуда она здесь? Не случилось ли беды?

Девка лет пятнадцати подбежала, тяжело дыша, и, сбиваясь, заговорила:

– Боярин... степняки... на Хохолы налетели. Мужиков побили. Баб и детей в полон увели. Я у леса была, былые собирала, как их увидела, спряталась. Потом в Верши побежала. Боярину Горину рассказала. Он своих воев исполчил, а мне велел вам весть передать.

– Вот ведь накаркал, гавран проклятый! А дома не пожгли?

– Нет, Влодей Дмитрич, не пожгли.

Волош, то есть Володей, ударил кулаком в ладонь.

– Значит, уходить не собираются. – Володей развернулся: – Василий, беги к загону и запрягай Серка. Скачи к запруде, Бориса найдешь и скажешь, пусть к дому скачет, оружием, потом на Верши, там сбор будет. Коня ему отдашь, а сам на Заимку.

Василий побежал к домам, а Володей присел перед женой.

– Агаша, ты тоже к Заимке иди, поспешай. Детей береги.

Агафья прильнула к мужу:

– Сам уберегись. Живого жду.

– Ну, успокойся. Все хорошо будет. – Волош повернулся к девке: – Веря, ты здесь останься. У пролеска схоронись. Бориса дождешься, с ним в Верши возвратишься.

И быстро пошел к домам. Агафья, поторапливая детей, собрала кружки в корзину, двинулась туда же.

От всего этого у меня какой-то ступор случился. Степняки. Боярин Володей Дмитрич. Е-мое, куда я попал? Может, я сплю, а кошмар продолжается? Хотя какой это сон? Такой длинный и подробный? Сколько он длится? Глянул на часы. На часах было двадцать десять и...

Как это понимать? Часы показывали время, дату, месяц и число. Число-то двадцать девятое. А вот месяц! Сбились или глюкнули? Нажал на кнопку, и на дисплее загорелась полная инфа по дате. Ничего не понимаю. Как я раньше не разглядел? С утра был июнь, а

сейчас часы показывали двадцать девятое апреля тридцать седьмого года! Какого тридцать седьмого? Там, где должны стоять первые две цифры, стояли просто точки.

Так! Это не сон, меня действительно засунуло в прошлое. Тридцать седьмой год, только какого века? Как узнать? По одежде не определишь. Еще апрель месяц. Странно, что я не заметил, что листва гораздо зеленее, чем обычно.

Из-за домов на коне вылетел Володей в доспехах. В руке копье, сбоку, чуть за спиной, овальный щит. Он остановился, глядя, как заходят в лес Агафья и дети, махнул рукой и ускакал в пролесок. Я обернулся: Агафья с детьми скрылась в лесу, как раз там, где я вышел.

Надо что-то делать и не сидеть на месте, как идиот. Посмотрю в домах – может, с годом как-нибудь определюсь.

Обходя постройки, я рассматривал их внимательно. Всего их было четыре. Один дом, или сарай, стоял отдельно, метрах в двадцати от других. За ним был большой загон – видимо, для домашней скотины. Ага, вот быки, на которых пахали. Пока я в удивлении лупал глазами, их успели увести. Остальные постройки, вместе с остроконечным высоким забором в четыре метра, образовывали периметр в пятьдесят метров сторона.

Обнаружил ворота просто – все тропинки сходились в одном месте, упираясь в глухую стену. Интересно, как внутрь попасть? Закурил и стал осматривать ворота. И как они их открывают? Похоже, ушли все и дверь за собой захлопнули. Нет ни ручки, ни щели, все подогнано плотно. А вот дырка, будто от сучка: может, здесь замочная скважина? Я посмотрел в нее. Нет, насквозь видать. И на замочную скважину не похоже, хотя...

Видел я простые замки с небольшим отверстием, ключом к которому служили простая трубка или прут из железа с пропилом вдоль и пластиной. Когда ключ вставляли в отверстие, пластину выпрямляли вдоль прутка. Пластина, на выходе, падала вниз, и получался классический ключ. Несложный и достаточно надежный замок. Вот где может быть спрятан ключ? Так, стену я осмотрел, посмотрим на земле. О, камень. Трава вокруг примята, с чего бы это? Я приподнял его и хмыкнул – тут тоже кладут ключи от квартиры под коврик. Здесь, правда, под камень положили, но и ключ большой!

Стоп. Кто-то скачет. Камень и ключ на место, спрячемся. Сделав шаг от ворот, усмехнулся. Идиот, я же – как бы – не виден. Из-за угла на коне вылетел парень лет шестнадцати. Это, наверное, Борис. Перед воротами он осадил коня и прыгнул у камня. Достал ключ и вставил в отверстие. Чуть повернул и навалился на створ. Ворота сдвинулись внутрь, парень толкнул сильнее, и в открывающихся воротах я увидел толстую веревку, привязанную к верху створа, а с земли поднималась большая колода. Интересная система, видимо, для быстрого закрытия ворот. Зацепив крюком створ, Борис завел коня внутрь и привязал его к столбу рядом с воротами. Потом побежал к крыльцу большого дома и влетел внутрь, не закрыв дверь. Я двинулся было за ним.

– Борька! Борька, степн... – Крик оборвался, и раздались глухие рыдания.

Это Верея. Я кинулся обратно. Выбежав из ворот, шарахнулся от неожиданности в сторону. Навстречу неслись всадники. Трое влетели в ворота, а двое копошились у угла. Подбежав, увидел, что один держит Верею за руки, второй пристраивается между ног.

Вот твари! Ненавижу насильников! С разбегу пнул держащего за руки. Счас. В злости забыл, что я как бы призрак. Пролетев два метра от них, головой боднул что-то в траве. Черт! Схватил рукой, это оказался березовый шест. Выхватив из травы дубину, с размаху долбанул по загривку того, что устраивался промеж ног Вереи. Хекнув, степняк ничком навалился на девушку.

– Уечн шайтэн! – Второй, округлив глаза, откинулся на задницу и заелозил от летающей по воздуху дубины.

– Куда? Стоять! – Дубиной приложил его о шлем, который от удара, кувыркаясь, улетел в кусты.

– Вот теперь порядок!

Веря, рыдая, пыталась выбраться из-под тела. Я подошел и, удачно подсунув дубину, откинул степняка. Девка отползла в сторону, все еще подвывая. Степняк застонал. Ух, живой еще? Размахнулся и с силой вогнал торец дубины в лицо степняка. Рыдания за спиной резко смолкли. Обернулся – Веря оторопело смотрела на дубину. Ладно, с ней все в порядке, а как там Борис? Кинулся к воротам. Завернув во двор, увидел, что у крыльца с топором в голове лежит степняк, а двое других, помахивая саблями, зажимают Бориса у стены.

Парень, тяжело дыша, держался за грудь, где расплывалось темное пятно. В правой руке сабля.

Эх! С разбегу дубиной сшибаю ближнего. По инерции разворот по горизонту. Бум! Шлем, как у насильника, отлетает. Я опустил дубину на землю и обернулся. Борис сполз по стене на землю. Устало посмотрел на стоящий неизвестно как березовый шест. Страха в его глазах нет. Как будто у них тут летающее дубье в порядке вещей.

– Спасибо тебе, кто бы ни был ты, друг неведанный, – прохрипел парень и закрыл глаза.

– Не за что, – хмыкнул в ответ. – Только я скорее невидимый.

Откинул дубину и подошел к Борису. Кровь из ран еще сочилась, однако опасна была лишь одна, на животе. Как ему помочь? Поднес руку к груди парня и попробовал коснуться. Странно. Рука вроде проходит, но чувствуется какое-то сопротивление. Может, я уже проявляюсь в этом мире как фотография? Еще чуть-чуть – и по местным лесам будет носиться полупрозрачный человек, а аборигены станут толпой его ловить или с ужасом разбегаться. Ха! Будет потом новая сказка про то, не знаю что.

– Борька? – Во двор осторожно заглянула Веря. – Борька!

Девушка, семеня, кинулась к Борису у стены, со страхом обходя тела, и, сбиваясь, запричитала:

– Там... они... они, меня... ох...

Потом, раскрыв широко глаза, выдала:

– Там береза их убила. Вот!

Вот ведь дуреха! Тут она увидела кровь.

– Бориска, ты ранен?

– Вереш, полотенца неси, перевязать, сухого моха и воды, обмыть.

– Сейчас.

Веря кинулась в дом. Я поднялся и, прихватив дубину, отошел к воротам. Пока девка не видит. Еще хлопнется в обморок. Кто тогда Борису поможет? А я пока посторожу у ворот.

Борис проводил взглядом улетающую к воротам дубину. Вот понятливый и смелый парень. Завалил степняка и отбивался от двоих. Страха в глазах не было. Настоящий воин!

А мне стоит искать ответы на вопросы. На данный момент первый вопрос – когда я? Где я нахожусь, могу представить. Примерно где и жил, не знаю – сколько лет тому...

Ориентироваться здесь можно, овраги и холмы почти не изменились, если судить по пути от дуба. Дуб! Вот ключ! Чертовщина там началась. И ворон ни при чем. Этот большой черный птах только индикатор будущих неприятностей. В следующий раз по клюву подлец получит, как плохую весть принесший.

Я решил посмотреть степняков. Те двое, которых я первыми дубиной приложил, лежали недалеко. Лица как лица. На туркменов похожи, впрочем, и на других представителей восточных народов.

Поднял шлем, повертел, заглянул в него. Простой, остроконечный. Посмотрел на тела. Оп, у второго не шлем, а остроконечная шапка, с железными нашитыми пластинами. Хозяин шлема в кольчуге, а второй в халате. Железо в древние времена очень ценилось. Что еще? У обоих пояса с мелкими мешочками. Стукнул по ним пальцем. В одном зазвенело. Сорвал с

пояса и вытряхнул на ладонь. Хм, монеты. Пара золотых – остальные серебряные. И явно не местные, впрочем, я не нумизмат. Ссыпал их в карман – может, пригодится.

Подобрал сабли. Сдернув ножны с одной, осмотрел клинок. Местами покрошен, но острый. Не широкий, чуть изогнут и плавно сужается к острию. Рукоять простая, без гарды и крестовины.

Вторая же была с крестовиной. А сам клинок был хорош. И бывший хозяин хорошо следил за ним. И какой вывод? Я хоть и владею холодным оружием, но историей клинков никогда не интересовался. Лишь кольчуги могут дать примерный ответ. Насколько помню, их использовали до середины семнадцатого века. Получается, на триста пятьдесят лет кинуло?

Стоп! За углом частокола кто-то есть. Покрутил в руке саблю, привыкая к ней, и стал подкрадываться к углу. Выглянул. Тьфу. Два коня мирно пощипывали траву. Осторожно подошел, лошади, насторожившись, отступили. Надо же, чует меня скотинка! Поймать бы – лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Я часто катался на лошадях. Заправским жокеем не стал, однако в седле держался уверенно. Ласково бормоча, стал приближаться и успел ухватить одного за уздечку. Второй отбежал. Мне и одного хватит. Потянул коня за собой, он нехотя пошел. Вот и славно, я теперь на транспорте силой в одну лошадь! Привязав его к березке, заглянул во двор. Там медпроцедуры закончены, кони уже навьючены. Ого, даже тела успели раздеть. Ну да, что с бою взято – то свято. Все оружие степняков увязано и приторчено к тюкам.

Борис, надев плотную рубаху, взял кольчугу, снятую с тела степняка, и, встряхнув, что-то сказал. Я прислушался.

– Говорю тебе, Бориска, надо на Заимку идти. Там подлечишься.

– Нет, я в Верши идти должен. Так отец сказал. И прекрати меня жалеть, не младый, – парень кивнул на тела, – трех порешил в честном бою.

Борис, морщась, влазил в кольчугу. Видимо, что-то там зацепилось, и парень, резко одернув плетение, зашипел от боли.

– Борька! – Девка вертелась вокруг парня и помогала облачиться в бронь. – Ну, куда тебе увечному. Там и без тебя вой есть.

– Как ты не поймешь? – взвился парень. – Я вой. Мой отец вой и дед, все мои пращуры вой были. В Верши пойду. Я сказал! Помоги сумы перекинуть.

Веря подхватила сумы, и они вместе перекинули их у седла. Борис привесил к седлу еще какой-то короб, что сужался книзу. Я пригляделся – вроде на тул похоже. Да, точно, тул и есть.

– Кгарrrrrg!

От неожиданности я подпрыгнул. Обернулся – за воротами, недалеко сидел старый знакомый. Вот ведь взял привычку исподтишка каркать! Ворон, будто убедившись, что его слышали, улетел. А у меня появилось чувство опасности. Надо уходить. Эта пятерка степняков – лишь разведка. Где-то шляется отряд крупнее этого. Забежал во двор. Борис замер, увидев летевшую по воздуху саблю, а Веря вскрикнула и спряталась за парня.

Интересно, а как им сказать-то? Написать на земле? А они грамотные? Попробую. Начинаю выводить: «Уходите, монголы близко!». И с удивлением вижу, что у меня выходит: «Ристать, борзо мунгиты!»

Мать моя! Это на каком я сумел-то? На древнерусском? Вот блин, житие мое!

А эти двое оторопело смотрят на надпись и не шевелятся. Наверное, неграмотные. Нет, Борис шевелит губами, читает. Долго он что-то соображает. Решаю поторопить и дописываю: «Быстро уходите!» Получается: «Вельми гоньзнути!», и машу саблей на ворота. Борис, шевеля губами, читает новую надпись, а Веря круглыми глазами следит за саблей, бормоча молитву.

Наконец доходит смысл написанного. Борис развернулся, довольно резко, Верея, не ожидая, сделала шаг вперед, но шустро отпрыгнула, спряталась за коня и заорала. Борис, собирая навьюченных коней в караван, цыкнул на испуганную девку:

– Замолчи, дуреха, помогай коней упредить. Сама на этом поедешь. – И он показал на коня, что в связке был первым.

Перекидных сум на нем было две. На остальных, в сумках и тюках, были увязаны снятые с убитых степняков доспехи и оружие. На последнем – один тюк и связка копий. Я смотрел на сборы, сложив руки на груди, саблю держал в двух пальцах и покачивал ею. Неприятности ждать не любят.

– Бориска! Что это, дух? Боюсь я.

Верея выглядывала из-за коня, не решаясь выйти. Она неотрывно смотрела на висящую в воздухе саблю.

– Не знаю, кто это, но вреда не было. Наоборот, весьма помог мне. Без него я бы не управился с погаными. Давай трогаться, пора уж.

Он помог девушке забраться на коня.

– Правь за мной, не отставай.

Сам влетел на жеребца, и караван легкой рысью ушел за ворота. Рванул за ними. Завернув за ворота, увидел, как Борис остановился у привязанного мной коня. Спрыгнул, перевязал его к своему и влетел в седло. Я почти вместе с ним, не так умело, угнезвился на коня за ним. Только я сунул саблю за ремень, как парень пустил коней чуть ли не галопом. Как не вылетел из седла, сам не понял. Вцепился руками в гриву, как клещ. Сразу по заднице забарабанило, отчего напрочь забыл – чему учили. На повороте к полю успел прижаться к гриве. Лошадь не велосипед, у каждой свой норов, и без практики навык забывается, а я ездил на спокойных и никогда в галоп не пускал.

Мы выехали на поле и поскакали вдоль пашни. Пришлось вцепиться в гриву сильней. Блин, если прибавят ходу, будет скверно. Словно на родео, вот только я вовсе не ковбой. Не слететь бы.

Кони неожиданно остановились. Чуть не выдрал клочок гривы, пытаюсь не улететь вперед. Посмотрел, почему остановка. Ого, проблема! В пятистах метрах, у того края поля, стоял конный отряд степняков. Около десятка.

– К лесу!

Верея уже завернула свою тройку, Борис сдернул поводок моей лошади, повернул за Верею, на ходу доставая из короба колчан и лук. Кони на полном ходу подлетели к плотной стене из елок. Девушка завела свою тройку в небольшой проход, а Борис притормозил, развернулся и, как пулемет, зачастил стрелами. Я от резкого поворота в седле не удержался и влетел в елочный бомонд. Чертыхаясь, вывалился на маленькую полянку. Дальше начался густой лес. Вереин караван уже уходил в чащу. Подбежал и успел из связки выдернуть одно копьё. По елкам зашуршали стрелы степняков. Нырнул в ветки и выглянул на поле. Степняки уже были близко. Ого! Их уже шестеро. На пашне лежали четыре тела, а лошади бродили рядом. Остальные всадники перестроились на ходу в колонну по двое, передние прикрылись щитами, а задние стали стрелять из луков. Борис метнул еще три стрелы, подстрелил еще одного и завернул коней в проход. Я нырнул за ними, стараясь не отстать, но парень и не собирался уходить в лес. Он отбросил поводья заводного и встал с копьём справа от прохода. Не перестаю удивляться отваге молодого парня. Уполовинил из лука врагов, да еще и засаду приготовил. Думаю, степняки разозлены и сунутся в заросли сразу. Встану-ка я слева. Забрался на заводного коня и подвел его к нужному месту. Поднял копьё, стал ждать. Борис посмотрел на лошадь и висящее в воздухе копьё и кивнул. С другой стороны елочной стены раздались крики, и в проход осторожно высунулся степняк. Парень ткнул копьём, и

с хлещущей из горла кровью степняк забился под ветками. С той стороны яростно заорали, и через ветки стали выпрыгивать стрелы.

Ха! Елки тут стояли так плотно, что стрелы, пущенные с одной стороны, вылетали с другой, уже не могли даже поцарапать. Борис усмехнулся и что-то крикнул. С той стороны опять заорали. Похоже, сейчас попробуют прорваться в плотном строю и все вместе. Я глянул на парня. Он сидел спокойно, как будто у него такие развлечения каждый день. Ветки затрещали, но в вылетевшего первым всадника попасть копьем я не успел. Наконечник прошел за спиной степняка и воткнулся в ствол елки, превратив копье в перекладину на уровне груди. Зато успел Борис. Он насадил на свое копье степняка, будто шашлык на шампур. За первым летели остальные, и меня просто снесло с коня. Рядом посыпались и степняки. Довольно-таки кучно. Борис резко выхватил лук и всадил остатки стрел в эту кучу. Потом, подъехав к первому убитому, выдернул копье, вернулся и начал яростно втыкать его в стоящих степняков.

Потом, как-то осунувшись, он наклонился к гриве и застонал. Конь отошел от елок, и я увидел обломок стрелы в бедре парня.

Тут ветки раздвинулись, и на поляну выскочил степняк в доспехах. Последний? Он оглядел поляну и развернулся к Борису. Ну, это он зря, хотя откуда ему знать про меня, если я невидим.

Я взял саблю, сдернул ножны и, сделав шаг, ударил. В последний момент воин, видно, почуяв, резко присел и развернулся. А затем его глаза округлились – висевшая в воздухе сабля сделала оборот и воткнулась в землю. Я решил этого взять живым и, воспользовавшись ступором степняка, перехватил его руку привычным приемом, ударом руки в кисть выбил саблю, резко выкрутил руку, затем подсечкой и ударом локтя в загривок впечатал степняка землю. Завел руки оглушенного назад и его же ремнем связал.

– А-а-а! – Это Верея оторопело смотрела, как степняк, непонятно почему, стал корчиться, выгибая неестественно руки, затем упал на землю и сам связался. Тут застонал Борис, и девка, выйдя из ступора, кинулась к нему. Я наклонился, подобрал клинок степняка и стал его рассматривать. Отличная сталь, с булатным узором. Сняв ножны, кивнул связанному:

– Ты не против? – И привязал саблю к своему ремню.

Вид у меня внушительный! В выцветшем старом камуфляже и с саблей на боку. Жаль, не видит никто, чтобы оценить. Что там у Бориса? Верея не стала вынимать обломок стрелы. Она обложила рану сухим мхом и перевязала тряпицей.

– Ну, теперь точно на Заимку ехать.

Она быстро сбегала в чашу и привела навьюченных коней. Я наблюдал, как девка перевязывает поводья коней, составляя караван по-другому. Первой она поставила свою лошадь, затем жеребца Бориса, потом коней с тюками, последней – мою, на которую, думаю, она хотела поместить связанного. Но, подумав, она взяла лежащее на земле копье и всадила его в степняка. М-да, как просто они убивают. Жизнь наших предков, насыщенная такими событиями, и хлопнуть человека – им как два пальца...

Е-мое! Только сейчас до меня дошло – я ж его коснулся! И завалил приемом. Не понял. Может, я уже видим? Состроил рожицу в сторону Вереи. Ноль эмоций. Хотел коснуться и ее, но Верея, плюнув на убитого, быстро взобралась на переднюю лошадь и осторожно повела караван по лесу. Я, слава Богу, успел забраться на последнюю и теперь опять старался крепко держаться за гриву.

Через полчаса петляния между деревьев караван вышел к пролеску, и Верея пустила лошадей легкой рысью. Блин, надо было лучше учиться на лошадях ездить. Но кто же знал?

Выскочив на более чистое от деревьев место, кони ходу прибавили. На небольшом повороте караван огибал дерево с торчащим суком, увернуться от которого не смог только я.

Потирая грудь, проводил глазами отдаляющихся коней. Отряд не заметил потери бойца. Достав сигареты, закурил. Интересно, та это Заимка или не та? Дело в том, что мой отец родился в деревне с таким же названием. Правда, деревни давно нет, и на ее месте лес пророс. А если та? Древняя деревня, получается. Нет, не та. Если, к примеру, Борис мне дальний предок, то, интересно, он мне дед в какой степени? Впрочем, где она находилась – я знаю и найду без труда, а пока надо проверить мое чудесное дерево.

Продрался через очередную стену елок и оказался у дуба. Забрался по склону и подошел к месту, где корень дуба образовал природное кресло. Обошел ствол несколько раз – никаких следов. Шагнул к стволу, положил ладони, а затем прислонился щекой. В первый миг показалось, что от дерева шел тихий гул. Прислушался – нет, показалось. Развернулся, собираясь присесть и...

– Вот, етить!

Огляделся – никого. Затем наклонился и снял с сучка термос. Свинтил крышку, щелкнул клапаном и нацедил полную чашку кофе. В голове прояснилось, но вопросов не убавилось. Что за чудеса? Вот стоит корзина, и термос на месте, даже трость рядом лежит. В голове щелкает догадка. Чашка летит в мох, а я сдираю с себя куртку и тельник – все шрамы на месте. А нога?

Подвигал...

Ха! Чуть ли джигу не станцевал. Хоть все шрамы заняли свои привычные места, но нога абсолютно здорова! Чудеса! Расскажи кому – не поверят. Ладно, пойду домой. Поднял корзину с грибами, трость, термос повесил на плечо и весело зашагал к поселку.

Глава 2

Где это я? Оглянулся – всюду лес. Куда я попал? Сделал шаг и вдруг оказался на дороге. Странной дороге. Не широкой, с высокой и плотной стеной леса по краям, состоящего из одних елей, которые, казалось, растут так плотно, что руку не просунуть меж веток. Дорога впереди поворачивала, оглянулся – там тоже поворот. Но за тем поворотом пылал пожар. Огромное зарево освещало все небо, казалось, затмевая заходящее за горизонт солнце. Так могут гореть только дома. Слышался треск рушившихся прогоревших перекрытий.

Вдруг среди треска пожара я услышал пение. Нет, не пение – молитву. Молитву, звучащую множеством голосов. Из-за поворота показалось шествие. Сделал шаг навстречу и... оказался рядом с людьми. Впереди шел священник. Лицо его было очень знакомо, но кто это – я никак вспомнить не мог. Следом за ним два человека несли икону. С нее на меня печально смотрел образ Богородицы, нежно прижимающей маленького Христа. На мгновение мне показалось, что из глаз обоих льются слезы. Икона медленно проплыла мимо, и я увидел, что она на самом деле мироточила.

Люди с вдохновением читали молитву, и их глаза неотрывно смотрели вперед. Казалось, что они видят что-то необычное.

И тут они стали проходить сквозь меня. Я, словно привидение, не чувствовал ничего. Вытянул руку, и через нее прошел старик, прижимающий к груди маленькую иконку с ликом Христа. Сквозь меня шли тысячи людей, и конца этому шествию не видно.

Вдруг я увидел женщину. Мне показалось, что я ее знаю. Нет, точно знаю! Это Агафья. Она шла, как все, смотря вперед, и проговаривала слова молитвы, держа на руках маленького ребенка. Это же Глеб! Он улыбался и смотрел на меня. За Агафьей следом шел Третей. Я вспомнил их имена. Но откуда я их знаю?

Людской поток вдруг кончился, а я смотрел на спины удаляющихся людей и не мог сдвинуться с места. Куда они идут? Почему сзади большой пожар?

Люди скрылись за поворотом.

И вдруг среди треска пожарищ услышал гул, медленно переходивший в частый топот, очень похожий на топот конского табуна. Я увидел, как из-за поворота показались всадники. Много всадников. Лица их пылали от ярости. Они размахивали оружием и орали.

Я вдруг понял, кто они. Это были монголы. Монголы, пришедшие покорить, а непокорных разорить, растоптать, разрушить...

Оцепенение спало, и я кинулся по дороге.

– Люди! Уходите!

Конная злобная лава настигла меня. Замелькали кони, я споткнулся и... оказался на полу. Едрит твою медь! Опять кошмарный сон, и все на одну тему. Это следствие вчерашних приключений? Только не уверен, было это на самом деле или нет. Черт, башка болит и сушняк жуткий. Только опохмелиться нечем, все выдул вчера. Как прибежал с лесу, так к соседу за самогоном сходил. Снял, называется, стресс! Пошел на кухню и открыл холодильник. Из «лекарств» только рассол, и того на самом дне банки. Допил. Мало.

Я сидел за столом, пил крепкий кофе и вспоминал вчерашний день.

Так, с чего все началось? Пошел за грибами. Вышел на рыбн... грибное место. Потом сидел и отдыхал на корне, затем каркнул ворон, я подскочил и приложился головой о нарост. Дальше пошла какая-то хрень. Вышел к поселку, а его и в помине нет. Потом вообще непонятный кошмар начался. Я вроде привидения был. Еп, там же я кого-то грохнул, степняка какого-то, и не одного...

Прислушался к себе. Хм, совесть молчит. Впрочем, чего беспокоиться? Сколько у меня «холодных» на счету? Враги есть враги. А может, не было ничего? Или мне все это привиделось? И ворон, и степняки, и пропавшие шрамы...

Начинаю осторожно двигать правой ногой – не болит и гнется от и до. Встаю и начинаю шагать, затем прыгать, под конец сплясал джигу и упал на шпагат. Правой ногой толкнул некий предмет под столом. Сабля! Значит, это все на самом деле было? Чудеса!

Кинулся к большому зеркалу в прихожей. Покрутился, разглядывая себя, – шрамы от ранений никуда не делись, каждый рубец на своем месте. Интересное лечение! Можно сказать – сказочное, раз объяснить всю произошедшую со мной чудесатость не выходит.

Настроение поднялось, даже голова перестала болеть. Надев спортивный костюм, вышел на крыльцо покурить.

Напротив дома, у гаража, увидел соседа, который, похоже, опять что-то мастерит. Подошел, имитируя хромоту, чтобы лишних вопросов пока не возникло. Сосед выпиливал электролобзиком большой овал из бакализированной фанеры.

– Привет, Васек, – поздоровался я, – чем опять маешься?

– О, Иваныч, здорово! – поднял голову Куклин. – Да вот, хочу щит сделать. Выпилю сейчас основу, а потом наклепаю поверх нержавейки.

– Тяжеловат получится.

– Пусть, зато как за броней.

– Ну-ну.

Вася был ролевиком и любителем старинного оружия. Его жена терпела его чудачества и называла его «толкнутым». Вася смеялся, поясняя мне в первый раз, что она просто не знает, как правильно называть ролевики. У Куклина были золотые руки. Он за гаражом построил кузню и пробовал ковать мечи и кольчуги. Что-то получалось, что-то нет. Очень долго возился с кольчугой, ковал кольца, но не получалось. Отложил. Выковал меч. Решил попробовать – срубил полудюймовую трубу или нет. Воткнул метра два трубы в землю и рубанул. Сложенная пополам труба улетела на соседний участок. Оттуда донесся звон разбитого стекла и испуганно-возмущенный ор. Как оказалось, соседка выставила самодельное вино на солнце в большой бутылке на двадцать пять литров. Труба и угодила аккуратно в нее. Дальше был грандиозный скандал. Васкина жена, правда, выступила в защиту мужа – редкий случай, по причине лютой вражды с соседкой. После этого Вася долго не заходил в кузню, возясь в мастерской у гаража.

Куклин замкнул разрез и выключил лобзик.

– Ну-ка пойдем, – сказал он, – похвастаться хочу.

Вася открыл дверь большого сарая рядом с гаражом и вошел внутрь.

– Иваныч, иди сюда.

Затерев окурки, я вошел внутрь. Куклин уже держал в руке сверток.

– Зацени!

– Что это?

Он встряхнул, и в руках у него развернулась кольчуга. Плетение было очень плотное, немного напоминавшее сетку-рабицу.

– Помоги.

Вася стал надевать ее на себя.

– Ух, холодная, – он передернулся. – Надо было поддоспешник сначала надеть.

Он расставил руки и начал крутиться.

– Ну, что скажешь?

– Нормально, – пожал плечами я, вспомнив кольчугу на том степняке. Если оценивать критически, то на вид изделие Куклина лучше выглядит. Вот насколько оно крепче?

– Из чего мастерил?

– Сталистая проволока. Три недели потратил.

Куклин стянул кольчугу с себя, положил ее на верстак и вынул из шкафа меч.

– Ну-ка, ну-ка, – протянул руку я.

Сосед подал клинок рукоятью вперед. Взяв меч, я вышел из сарая. Сделал несколько взмахов, крутанул петлю – меч пел, рассекая воздух, и был удивительно легкий, несмотря на метровую длину – чуть больше килограмма. Очень удобная рукоять – сосед сделал черен ребристым, вместо яблока – ромб с отверстием в центре, небольшая крестовина, но больше всего привлекал внимание сам клинок. Он отсвечивал булатным узором, если, конечно, Васька не воспроизвел его вытравливанием. Удивленно посмотрел на соседа, а он, довольный моей реакцией, рассмеялся:

– Каково, а? Что скажешь?

– Из чего он? Легкий больно. – И я опять крутанул мельницу.

– Булат! – гордо сказал Куклин.

– Ага, из «камазовской» рессоры.

Нет, меч мне определенно нравился. Просто зубоскалил от хорошего настроения и наслаждения легкостью клинка. Пожалуй, таким можно быка пополам разрубить.

– Не рессора это, – обиделся сосед. – Это первый был из нее, а этот я по древней технологии делал!

– Ладно, верю. – И вновь рассекаемый воздух поет под клинком. – Великолепный меч!

– Ага! – с улыбкой до ушей кивнул Васька. – Хочешь испытать?

Не дожидаясь ответа, юркнул в гараж и вынес двухметровую полудюймовую трубу.

– Вот, – он воткнул трубу в землю, – попробуй.

Куклин отошел к сараю. Я вновь крутанул мельницу и сразу нанес удар – труба распалась на две части.

– Круто! – восхитился Васька, рассматривая срез на трубе. – Нет, тебе определенно надо со мной под Тулу ехать. Здорово ты мечом владеешь.

– Учили, – скромно ответил я. Интересно, что он скажет, когда я ему трофейную саблю покажу?

– Слушай, подгребай ко мне через полчаса. Я в магазин за пивом сгоняю. Сядем и поговорим.

– Лады. – Сосед взял у меня меч, убрал в сарай, затем вернулся к гаражу, а я пошел в дом.

Я вернулся из магазина, где прикупил разных продуктов и взял пятилитровку с пивом. Дома начистил картошки и пожарил ее с грибами. Выключил плиту, поставил сковороду на стол, достал и нарезал хлеб. Полез в холодильник приправы достать, наступил на валяющуюся на полу куртку от комка. Поднял. Что-то весит она много. Затем вспомнил: монеты! Открыл клапан кармана и высыпал ценные трофеи на стол. Полюбовался на еще одно доказательство моего вчерашнего «вояжа», затем пересчитал это богатство. И что я имею?

Итак, две монеты желтого металла, то есть золота, и тридцать семь из белого, соответственно – серебра. Все монеты в хорошем состоянии, почти не потерты, гурты... отсутствуют, то есть просто закруглены. На первый взгляд все монеты разные. Затем пригляделся – не все. Рассортировал по группам. Вышло пять групп.

Начал с золотых. Первая монета диаметром примерно тридцать миллиметров. На аверсе отгиснуто изображение... священника, что ли, непонятно. На оттиске реверса узнал Иисуса Христа. Интересно, что за монета такая и откуда она у монгола взялась? Убрал пока в карман.

Вторая монета имеет чуть меньший диаметр, чем первая. На обеих сторонах отчеканен бородатый мужик. Нимба у него не имеется – значит, не Иисус Христос, а возможно,

какой-то царь или князь. Присмотрелся – на монете есть надписи, буквы вроде славянские. Древний червонец, что ли? Тоже в карман, потом разберемся.

Теперь серебряные монеты.

Двадцать три штуки с изображением орнамента или арабской вязи в трех кругах. Наверное, валюта из Средней Азии. Далее – семь с изображением пирамиды, креста и четырех колец. Немецкая, наверное. Шесть самых маленьких тоже славянские надписи имеют, только непонятно написано. И одна монета, похожая на золотую, с изображением князя и шатра.

Помедитировал на лежащее серебро. Что сказать? Ни на одной монете года выпуска не отчеканено. Когда они в хождении были? Может, Куклин знает?

Потер щетину, щелкнул пальцами и пошел в спальню за ноутбуком. И почему сразу не догадался в Интернете посмотреть? Пока система грузилась, я отделил от каждой группы по одной монете. Остальные сыпал в карман к золотым.

Как появился значок соединения, в поисковике набрал «древние монеты» и кликнул по первой ссылке. Только начал просматривать сайт, как послышались шаги, затем три раза постучали, и сразу открылась дверь. Я свернул окно и отставил ноут в сторону. Монеты тоже убрал.

– А вот и я! – Васька зашел по-монгольски: сначала голова, потом сам, на порог не наступил.

– Проходи, Сергеич, садись.

Куклин придвинул стул, уселся и потянул носом:

– Ух, с белыми жарил?

– С белыми. – Я сунул ему ложку. – Бери шанцевый и приступай.

Мы быстро съели всю картошку. Я достал полулитровые стеклянные кружки и набулькала в них пива. Сдвинули кружки, сказав короткий тост:

– Пусть всегда! – И окунули носы в пену.

Налил по второму, но я пить не стал.

– Короче, Сергеич, есть дело. Ты вроде в древностях всяких понимаешь, мне нужно узнать – когда сделана одна вещица.

– Какая?

– Сейчас принесу. – Я подошел к кровати, достал из-под нее саблю и протянул Ваське.

Куклин обнажил клинок. Минуту разглядывал его, затем поднял на меня глаза размером с блюдца.

– Да это же дамаский литой булат! Персидский шамшир.

– Ты уверен?

– Уверен! – твердо сказал Куклин. – Вот тут, смотри.

Он провел пальцем по клинку.

– Видишь, каков узор? А теперь взгляни сюда, – и показал на орнамент, шедший по рукояти. – А знаешь, сколько тут слоев? До трехсот! Мне пришлось бы года два такую делать.

– А свой меч ты сколько делал?

– Полгода. – Куклин любовно провел рукой по клинку, попробовал заточку: – Острая. Где взял?

– Трофейная.

– А-а-а... – понятиливо кивнул Васька.

А что, правду сказал. Почти. Ну, не говорить же, где и когда. Не поверит, скажет, белочка пришла. А он подумал, что я на службе затрофеил. Когда приходилось помогать на зачистке селений, бывало, находили в оставленных домах интересные экземпляры разного оружия. И ножи, и сабли... Один раз турецкий ятаган попался, в доме на стене висел. Естественно, ребята прибирали такие вещи. Мне на холодное оружие не везло. Зато попался

ГШ-18 с ПБС. Хорошая машинка на восемнадцать патронов. Ее я, кстати, в городской квартире оставлять не стал, сюда привез. Лежит в отцовском сейфе, в тайном отделении.

Васька наслаждался саблей, как я некоторое время назад мечом. Он разве что на вкус ее не попробовал. Хорошо хоть размахивать не стал. Он упер острие в петлю погребка.

– Смотри... – и сосед надавил: клинок выгнулся дугой. – Видишь?

– Вижу. Ты мне скажи – когда ее сделали?

– Хм, – Куклин почесал затылок, – если бы не отличное состояние, то век двенадцатый – тринадцатый, а так, думаю, восемнадцатый.

Блин, а я надеялся, что он мне точно скажет. Забрал клинок у Васьки, пока он не попробовал чего-нибудь разрубить, вогнал в ножны и убрал на шкаф.

– А ты знаешь, сколько она стоит? – спросил Куклин, с сожалением провожая глазами саблю.

Я пожал плечами.

– Тысяча евро, не меньше! Можно и дороже продать!

– Кстати, про бабки!

Я полез в карман, а Куклин насторожился:

– Иваныч, я отдам...

– Я не про долг, – прервал я Ваську, – а про это.

И выложил отложенные серебряные монеты на стол.

– Можешь сказать – что за монеты и год их изготовления?

– Везет же людям! – потрясенно проговорил сосед. – Клады находят...

Он принялся разглядывать монеты. Покрутил одну, ту, что с князем и шатром, и сказал:

– Эта монета русская, называется сребреник, век одиннадцатый или двенадцатый. Есть еще златник, золотой то есть. Почти такая же на вид.

Куклин отложил сребреник и взял следующую, самую маленькую:

– Это новгородская чешуйка. Я такие много раз видел. Их еще до Ивана Грозного чеканили. А это дирхем. – И он взял монету с орнаментом в трех кругах. – Век пятый или шестой.

Я вздохнул. Такой разброс по годам! И как определить дату моего вчерашнего провала в прошлое?

– А вот эта... эта... хм, не знаю. – Куклин рассматривал монету с пирамидой, крестом над ней и кольцами внизу.

– Пфенниг, что ли? – предположил он. И вдруг спросил: – Где взял?

– Где взял, где взял? – Я забрал монеты у Куклина и положил их в карман. – Тоже трофей!

Васька пожевал губы и предложил:

– Если будешь продавать, то могу свести с одним человеком. Он коллекционер, в одном клубе я с ним. И клинками он интересуется, но по ним не специалист, однако сведет с кем надо. Если все продать, то тысяч на пятьдесят евриков выйдет!

Васькин энтузиазм погасил звонок мобильного. Он выслушал абонента и сник.

– Жена звонила, – на немой вопрос ответил он, – в город за продуктами ехать надо. А я хотел... спросить – у тебя сапоги есть? Военные. Для реконструкции нужно.

– Есть, яловые. Этого добра навалом. Могу полевой формы подкинуть, ту, что с галифе идет.

– Не, галифе мне не надо, только сапоги. У них чуть фасон изменить – и будут боярскими.

– Ладно, размер сорок три только.

Куклин закивал, а я полез в чулан, где стоял большой сундук. Там были сложены десятки пар сапог. Взял две пары и отдал соседу. Васька обрадованно пожал руку и убежал.

Честно говоря, я не представлял, как выглядят «боярские» сапоги, но знал: Куклин сделает как надо, меч в пример.

Пора разобраться с золотыми монетами. Открыл ноут и запустил поисковик с запросом «древние золотые монеты». Уже через минуту я знал – первая монета была византийской и называлась «Хиперперон», а вторая, как назвал ее Куклин – златник. И обе начали хождение в одиннадцатом веке. Значит, надо просмотреть все тридцать седьмые года, начиная с одиннадцатого века. И через минуту нашел. Было немного стыдно не знать историю своей земли. Школьный курс как-то забылся, да и этот предмет был не очень любим мной. Начал искать материалы по монгольскому вторжению, карты, передвижения монгольских орд...

Через три часа оторвался от ноутбука, вышел покурить и заодно подумать. Появились две интересные идеи. Первая – Куклин своим предложением заронил зернышко интереса к продаже исторических раритетов. Могу легко поправить свое финансовое положение. Например, наконец полностью расплатиться за квартиру. И много еще чего. Вторая – вмешаться в ход событий. Обе идеи заманчивые. А вот по сердцу только одна. Минуту назад я закончил изучение того, как монгольские орды полностью истребили русские рати. Сжигали города, уничтожали людей. И если многие материалы из того, что я прочитал, – правда, то у меня лишь одна задача – вторжению помешать, а Батые уничтожить.

В любом случае надо идти на разведку.

Затушив сигарету, вернулся в дом. Зашел в спальню и открыл шкаф. В нем было сложено почти все, что я привез из городской квартиры. Первым делом достал десантный ранец и вытряхнул все, что в нем было. В принципе, обычный тревожный мешок – три ИРП-5, топографические карты, комплект одежды, фляжка, котелок, тактический фонарик, аптечка и прочее. Из бокового кармана вытащил сверток. Снял чехол и развернул маскхалат. Его я приобретал сам, так, на всякий случай. Он был идеален для выполнения моей задачи – немецкий «Гилли» с окраской «лес». Достал из шкафа берцы, поставил под стол. Пошел в чулан. На верхней полке лежала палатка в чехле. Легкая, компактная. Брать? Решил не брать. Иду на сутки, максимум на три. Соберу информацию, потом вернусь, обдумаю и решу – что надо взять. Так, снаряжение практически готово. Осталось оружие. Оно в подвале, где у отца была мастерская. Спустился в подвал. Большой самодельный сейф стоял за старым шкафом в самом углу. Открыл обе створки.

Справа, в оборудованной пирамиде, стояли две ижевских двустволки и карабин «Тигр-1». Над ними коробки и ящики с патронами, капсюлями, порохом и прочими охотничьими вещами. Левая часть сейфа делилась на нижнюю полку и верхнюю. В центре ее висело два бронежилета «Кора-1», когда-то давно привезенных мной по просьбе отца. Хм, а броник-то мне пригодится! Снял один, повертел, осматривая, – нормально; правда, класс защиты первый, но что есть, то есть.

Теперь оружие. Вынул коробку со старыми гильзами из нижней полки, сунул руку под полку и нащупал скобу. Потянул – открылся тайник. Чтобы достать коробку с пистолетом, пришлось встать на колено и сунуть руку глубже. Вот она, коробочка. Заодно нащупал сверток. Странно, я его туда не прятал. Значит, отец? Достал коробку, сверток и сразу развернул. Присвистнул – два пакетика, в одном золотой крест на цепи, грамм на триста потянет, и пакетик с драгоценностями. Перстни, кольца и прочее я узнал – это мамино, а вот крест вижу в первый раз. Откуда он взялся и почему спрятан тут – загадка. Ни мама, ни папа никогда в церковь не ходили, хотя и были крещены. Да и крест какой-то не канонический. Надпись непонятная...

Положил все пока на верстак. Открыл коробку и выложил из нее ГШ-18, ПБС, два магазина и две коробки патронов с маркировкой 7Н31. Усмехнулся – можно любые доспехи того времени насквозь пробивать, хоть в три слоя надевай. Но у степняков мало кто в доспехах был, дорогое это удовольствие. Избыточно выходит, да что поделывать?

Вытряхнул на верстак еще патронов россыпью, но уже простых. Пересчитал – тридцать шесть. Как раз на два магазина. Тут же их и снарядил. Прикрепил ПБС к стволу. Подержал на весу пистолет. Насадка чуть вниз уводит, но привыкнуть можно. Положил ГШ-18 на верстак и повернулся к сейфу. Двустолки мне не пойдут. Я на разведку иду, а не канонаду устраивать. Вот карабин...

Взял в руки «Тигр». СВД охотника! Ему бы ПБС приспособить. Самое простое решение – изготовить его из пластиковой бутылки. Но способ не надежен, может слететь и глушит плохо. Изготовить самому ПБС не проблема, но как крепить? Немного подумав, нашел решение, но придется обратиться к Куклину. У него есть нужный инструмент. Поставил пока карабин в пирамиду и начал перебирать коробки с патронами, ища патроны к карабину. Нашел всего три – две барнаульские и «Матч». Причем чешских было всего десять в упаковке. Еще на полке лежала оптика к «Тигру». Тоже выложил на верстак.

Итак, в принципе, имеется все, что нужно мне для разведки обстановки в прошлом. Патронов, правда, мало, но армию недругов там не встречу, и задача у меня только собрать сведения, а контакт, тем более огневой, – в крайнем случае. Значит, сегодня за вечер изготавливаю ПБС, а в полночь – выход.

Позвонил Куклину и спросил – когда тот вернется? Оказалось – уже едут обратно. Вот и славно!

Глава 3

Где это я? Все в плотном тумане. Слышатся голоса. Нет, это молитва. Из тумана появляется толпа людей, несущих впереди икону. Кажется, Владимирскую икону Божьей матери. Толпа подошла к берегу, и... Мать моя, а я где стою? Глянул вниз. Я же на воде стою! От неожиданности рухнул вниз и... вскочил с постели весь сырой. Третий сон, и третий кошмар. Почему мне снятся сны из прошлого?

Десятый час. Сумерки на улице, и время еще есть. Но больше ждать я не могу. Принял душ. Минуту рассматривал себя в зеркале, раздумывая – бриться или нет? Решил бороду оставить. Поел, благо, что перекусить я приготовил заранее. Затем надел камуфляж, бронежилет, разгрузку, нацепил самодельную кобуру с пистолетом, обулся. Присел на дорожку, затем надел куртку, накинул лямки ранца на плечи, повесил чехол с карабином, водрузил панаму на голову и вышел из дома. Ключ от замка повесил на гвоздик под почтовым ящиком.

* * *

В лесу темнеет раньше, чем на открытых местах. Но я этот лес изучил как свои пять пальцев. Найду дорогу к дубу даже в темноте. Однако шел не спеша. Прислушиваясь к ночным звукам, иногда я крался, чтобы определить – много ли я шумлю при движении по лесному мусору. Подсвечивая фонарем, специально выбирал участки с сухими ветками. Хоть совсем без шума не вышло, остался доволен – не потерял сноровки.

К дубу вышел аккурат к полуночи. Даже несколько удивился такой точности.

Итак, до рассвета три часа, есть время подготовиться и немного отдохнуть. Достал фонарик с режимом свечи, включил и поставил на камень. Затем расчехлил карабин и вынул из футляра ПБС.

Прибор к карабину изготовили довольно быстро. У Куклина в сарае имелся небольшой токарный станок. Так как токарить я не умел, то попросил Ваську. Он очень удивился, когда узнал, что именно надо изготовить. Начал было двести двадцать второй статьей страшить, но я напомнил ему, что у самого рыльце в пушку. Так как снимать пламегаситель с мушкой я не собирался, то, измерив штангелем диаметр сразу за пламегасителем, выточили муфту и нарезали на ней резьбу. Затем распилили ее вдоль, поставили на колодку мушки и закрепили изготовленной для этого гайкой. Теперь можно было к карабину надежно прикрутить ПБС. На саму насадку потратили полчаса, изготовив ее из дюймовой трубы, двух муфт и десятка выточенных под размер шайб.

Я полюбовался на ПБС – выглядел он как заводской, только покрашен краской, а не заворонен. Главное, что звук выстрела заглушит. Прикрутил прибор и проверил на шатание – стоит как влитой. Снарядил магазин и зарядил «Тигр». Занялся пистолетом, также поставив ПБС и зарядив его. Вынул из рюкзака маскхалат и баночку с тактическим кремом, надел «Гилли», однако наносить сразу маскировку на лицо пока не стал, а побрызгал репеллентом, так как комарье одолело. Надо было у самого ствола сесть, там кровососов нет, но побоялся задеть дерево. Вдруг обратное перемещение происходит не сразу...

Затем достал из ранца фляжку с коньяком, открыл, глотнул немного и сунул в карман разгрузки. Потом надел на ранец чехол, с махрой, как у кикиморы, и закинул его за спину. Пистолет в кобуру, карабин на грудь. Все, готов.

Поднялся к дереву, оставив фонарь за спиной. Такой у меня не один, а этот послужит индикатором перехода. Приблизился к стволу, немного помедлил и прислонился. От дерева пошел тихий гул. Значит, мне не показалось в прошлый раз. Оглянулся – фонаря нет. Зна-

чит, я на месте. Нажал кнопку на часах – на дисплее высветилось ноль часов тридцать три минуты. А дата немного озадачила – двадцать девятое мая тридцать седьмого года, естественно, как в первый раз, без столетий. Это что, в моем времени сутки, а тут месяц прошел? Дела!

Вдохнул полной грудью – а тут гораздо свежее, даже прохладнее, и пахнет лесом острее. Это означает, что недавно был дождь. Отсверки молний где-то на западе подтвердили предположение.

Ну, что же, двину, пожалуй. Куда идти, знаю – к даче Волоша, так как другие селения этого времени мне неизвестны. Кроме Заимки, конечно, но та эта Заимка или не та – выяснится потом.

Путь занял гораздо больше времени, чем рассчитывал. В предрассветных сумерках на землю опустился туман. Видимость упала до шести метров, так что пришлось немного поплутать, пока не набрел на ложбину, которая, как нить Ариадны, вывела меня к распаханному полю. Туман тут был плотнее, чем в лесу. С одной стороны, он хорошо маскирует и можно подобраться ближе к укрепленному дому, с другой – есть возможность столкнуться с аборигеном, с последствиями, которые меня никак не устроят.

Я засел за кустом орешника, вглядываясь сквозь молочное марево, но, кроме края пашни, ничего не видел. Что-то тут не то...

Двинулся по краю поля. Только миновал молодую елочную поросль, как началась березовая роща и кустарник. Я помнил, что через пятьдесят метров будет загон, а дальше, собственно, укрепленный дом Волоша. Чем ближе подходил, тем явственней чувствовался запах пожарища. Наконец, приблизившись к загону, я увидел чернеющий остов – все, что когда-то было домом. Подошел, присел – тепла от обгоревших бревен не чувствовалось, потрогал головешки рукой – холодные. Значит, учитывая прошедший дождь, горело как минимум дней шесть назад.

Это что же, те степняки до сих пор шляются тут? В первый раз я их увидел двадцать девятого апреля, то есть месяц назад по местному календарю. Интересно, что они тут делают? Если вспомнить, в какое время кочевники совершали налеты на Русь, то эти явно очень рано пришли. Или явились еще зимой, да ранняя весна перекрыла половодьем путь домой? Это ближе к истине. Тогда не понятно, о чем думает местное русское воинство? Какого... этого самого до сих пор не истребили степных разбойников?

Я поднялся, достал фляжку и плотнул коньяку, затем закурил. И куда теперь идти? К Заимке? Тогда придется вернуться к дубу, от него гораздо ближе. Или поискать другие селения? В любые времена люди селились у рек, и в основном на холмах. Я сейчас стою почти на вершине холма, где в далеком будущем будет стоять поселок. Другое высокое место имеется в трех километрах на север, но там никаких рек нет. Ближайшая река – Ветлуга, изобилующая высокими берегами, а до нее пятнадцать километров. Впрочем, есть одна речушка совсем неподалеку. В наше время она распалась на цепочку бочагов, а местами вовсе заболотилась и оживала только в половодье. Кстати, протекает речка рядом с Заимкой. Значит, решено: иду туда, но возвращаться к дубу не буду. Пусть от него ближе, зато в этом времени речка может быть гораздо шире, и ее придется пересекать два раза. Пойду так, как я в будущем в первый раз за грибами пошел, по дуге, то есть по берегу, аккуратно к Заимке и выйду. Только надо сориентироваться. Примерное расположение сторон света было известно, но точность не помешает. Достал из разгрузки компас, взял азимут и направился через поле на юго-восток.

Сначала лез через бурелом. Затем лес стал чище. Роща сменилась бором, стало светлее, и туман как будто поредел. Спускаясь в очередной распадок, почуял запах дыма. Даже порадовался удаче. Жилье! Чуть постоял, принохиваясь и заодно определяя направление ветра. Ага, надо идти точно на восток. Только странно, что тут люди поставили дома. До Ветлуги

еще далеко, а та речка совсем в другой стороне, разве что тут ручеек имеется. Впрочем, дача Волоша тоже у ручья стояла.

Через сто метров послышалось еле слышное ржание. Запах дыма усилился, примешались ароматы жареного мяса. Пикник в четвертом часу? Впереди показался еще один распадок. Дым шел оттуда. Ступая осторожно, я крался от дерева к дереву, а в начале склона прополз к толстой сосне и осторожно выглянул. Ага, старые знакомые! Или друзья старых знакомых, которые месяц «куролесят» по керженским лесам, запертые весенним половодьем.

До стоянки пятьдесят метров, и она как на ладони. Похоже, степняки встали тут на ночевку. Слева сбатованные кони, посередине – две нагруженные чем-то телеги и поставленные оглоблями встречно. Горят два костра. Один выше по распадку, за лошадьми, второй – правее. Имеется еще пара кострищ, но они еле курятся. У крайнего левого костра сидит степняк. Рядом с ним три тела. У прогоревших костров тоже тела вповалку. У правого спит один, а бодрствуют двое. Один полулежа, что-то на палке в огонь сунул, мясо жарит, наверное; второй держит в руках сухие сучья и по одному подкладывает в огонь.

Принялся пересчитывать степняков – выходило полтора десятка. Нет, есть еще кто-то. У телег разглядел тела, но подробности не разобрать. Пришлось сместиться левей и выползти вперед. Ага, понятно – это пленники. К оглоблям привязаны двое: молодая девушка за руки и старик, связанный еще и в ногах. У обоих кляпы. Отполз обратно к сосне. Что делать – ясно, как это светлеющее небо. Всех можно успокоить из карабина. Но выстрел, даже с ПБС, в лесной тишине даст громкий щелчок, и магазин у «Тигра» всего на десять патронов, значит, работаем так...

Первым делом скинул ранец и, достав баночку, затемнил лицо тактическим кремом. Затем приготовил пистолет и положил его рядом. Приготовил свой «Каратель» и достал из ранца еще три ножа. Ими я сниму часовых.

Начал с левого часового. Используя кочки мха, подобрался на расстояние броска и метнул нож – клинок вонзился в горло, и степняк откинулся от костра. Молодец какой – тихо подрыгал ногами и затих.

С пистолетом наготове немного выждал – не поднимется ли тревога, но никто не шевелился. Забрав нож, вернулся к оставленным вещам и взглянул на правый костер. Тут склон немного круче, и ближе подобраться сложнее. Начал очень медленно ползти, замирая, если степняки поднимали головы. Уже добравшись на приемлемое расстояние, накосячил – хрустнул сучок.

Часовые у костра, услышав посторонний звук, встрепнулись, но успели только приподняться. Я тут же поочередно метнул ножи. Тот, что полулежал, получив нож в горло, лишь дернулся и замер, а второй выронил сучья и упал головой в костер. Вот ведь... падла! Искры поднял и сопящего соседа разбудил. Пришлось в один прыжок метнуться к костру, и мой «Каратель» отправил степняка в сон навечно.

Выдержал минуту, наблюдая за распадком, – тишина. Значит, я отработал на «отлично» – никто из спящих степняков не проснулся. Только пленники зашевелились. Было видно, что связанный старик пытается развернуться и посмотреть на склон. И девушка головою крутит. Пусть, лишь бы не мешали и молчали в тряпочку.

Противно потянуло паленым. Надо действовать, а то от вони могут проснуться остальные. Первым делом вытащил труп из костра. Хорошо хоть ветер вонь в сторону относит, а то проснулись бы давно все.

Резать спящих не самое приятное занятие. Но их сюда никто не звал. Из прочитанного помню, что кочевники были не прочь поиздеваться над жертвами. У монгол практиковалось медленное ломание позвоночника, особенно любили подвешивать людей на собственных внутренностях...

Восьмерых упокоил без звука. Один, что-то почуяв, приподнялся, узкие сонные глаза вдруг округлились. Он что, меня видит? Хорошо хоть, что степняк узрел кошмарное мохнатое создание. Но крикнуть кочевник не успел. Быстро зажав ему рот, чиркнул «Карателем» по горлу. Тело забилося в судорогах, и раздался звон. Глянув за спину, тихо чертыхнулся. Степняк ногой задел медный котелок с какой-то железкой внутри.

Трое оставшихся кочевников зашевелились, просыпаясь, но я успел вырубить только одного, самого ближнего, пнув его берцем по затылку. Двое вскочили, обнажив клинки, и закрылись щитами. Хмыкнув, выстрелил из ГШ-18 два раза в центр щитов, проследил за падением тел, затем сделал контрольку обоим. Покрутился, нацеливая пистолет на неподвижные тела и осматриваясь. Все, живых нет, разве что тот, который берцем контужен. Нашел кусок веревки, споро связал степняка и оставил его пока лежать.

Подошел к связанным пленникам. Из-под телеги выглянула девушка. Глаза ее расширились, закатились, и она оплыла на землю. Ну да, вид у меня страшный. Старик же смотрел во все глаза, постоянно дергался и что-то мычал. Снял капюшон маскхалата, сдвинул панаму на затылок и вынул кляп у пленника. Старик прочмокал губами и хрипло спросил:

– Кто вы?

– Леший, – пошутил я и разрезал путы пленников.

Старик продолжал пялиться на меня. Проследил за его взглядом. Абориген со смесью ужаса и удивления смотрел на мое оружие. Его глаза так и скакали – пистолет-карабин-пистолет-карабин...

Достал фляжку с коньяком и протянул старику:

– Вот, глотни.

Дед схватил ее, сделал глоток, и глаза его еще больше полезли из орбит. Прежде чем я успел забрать фляжку, старик сделал еще глоток. Ого, а это интересно! Второй раз он как бы получил удовольствие от напитка. Даже покатал коньяк на языке. Но в этом времени ничего крепче вина нет. Присел на оглоблю, задумчиво посмотрел на аборигена, достал сигарету и закурил. Глаза его еще больше расширились, но он не отшатнулся, а, наоборот, подсел ближе.

– Вы кто?! – с надеждой прохрипел дед.

Хотелось ответить вопросом на вопрос, но я сдержался, шок-то не у меня. Хотя вопросов к старику будет не меньше, чем у него. Этот хроно-абориген явно знаком и с карабином, и с пистолетом, а на сигарету-то как смотрит, не говоря про коньяк. Представлюсь, пожалуй, а там посмотрим. Поправив панаму, взял под козырек:

– Капитан Велесов. Военная разведка.

– Воен...ная разведка? – удивился дед. Затем спохватился, поднялся и хрипло представился сам: – Сорок четвертого драгунского Нижегородского Его Величества полка, поручик Матвей Власович Кубин! – И попытался щелкнуть каблуком, однако за неимением обуви вышло плохо.

Поднялся и я, стараясь не выдать своего удивления. Пробежал взглядом по сверхпожилому драгуну. Отметил крепкие ладони, коренастость фигуры, а главное, взгляд человека, много повидавшего. Надо сказать – коллега, то есть вояка.

– Тогда будем знакомы! – Я улыбнулся и протянул руку. – Владимир Иванович Велесов.

Он пожал, очень крепко пожал. Хм, а силы у деда достаточно, несмотря на возраст. Видя, что он собирается вывалить кучу вопросов, остановил:

– Матвей Власович, все вопросы позже. Первым делом надо кое-что сделать.

– Да-да, я понимаю, – закивал драгунский старлей, – добро, взятое на меч, счесть...

Эк, как его накрыло-то!

– Нет, Матвей Власович, – перебил я деда и показал на связанного степняка, – надо языка допросить: кто, где и сколько. А вы пока, вон, девушке помогите, а то второй раз в обморок падает.

И, оставив Кубина возиться с соратницей по плену, первым делом сходил и забрал у сосны карабин и ранец, вернулся, сложил все у телеги и подошел к связанному кочевнику. Тот уже пришел в себя и явно попытался освободиться, но только хлопотное это дело. Руки-ноги я ему спутал хитрым узлом, с петлей на шее. Любая попытка развязаться пресекалась удушением. Степняк, стараясь меньше шевелить конечностями, смотрел на меня с ужасом. В глазах читалось острое желание дать стрелача. Я «мило» улыбнулся, желая спровоцировать словоохотливость пленника, но такой реакции не ожидал – монгол дернулся и сразу стал пунцовым.

Вот ети! Выхватил нож и полоснул по веревке, пресекая неожиданный суицид.

– Шеитэн! – выдохнул степняк и закашлялся.

Немного посмотрел на то, как пленник ерзает, стараясь отодвинуться от меня, затем спросил:

– Таны нэр юу вэ?¹

Кочевник заморгал, и к испуганному выражению лица примешалось удивление. Не понял, что ли? Или от шока свое имя позабыл? Странно, вроде бы правильно сказал. Монгольский язык я знал не очень хорошо, так сказать, бытовой минимум. Есть в Монголии небольшой городок – Сайн-Шанд, где мы прожили шесть лет в военном городке. Там же в школу ходил и с монголами общался. Вот и изучил немного. Родители у меня были полиглоты. Отец знал английский и французский, а мама – английский, немецкий и испанский. Так что задатки к знанию языков я имел. Однако за много лет монгольский подзабылся, вот и не понимает меня этот монгол. Или язык потомков Чингисхана за века сильно изменился, хотя вряд ли. А может, этот узкоглазый тип дурку включил? Не зря же пытался покончить с собой.

Потер пальцем клинок «Карателя» и повторил вопрос:

– Таны нэр юу вэ?

Моргает и молчит. Схватил монгола за грудки и приложил о землю. Сильно. Затем нажал на точку за ухом и сразу зажал рот пленнику. Посмотрел ему в глаза.

– Таны нэр юу вэ? – убрал руку, но без результата. – Вот упрямый монгол попался!

Стоп, чего это он влево глазами стрельнул? Там только труп. Кстати, в хорошей кольчуге, которая ему не помогла. А может, это не монгол вовсе? Поэтому не понимает? Однако среагировал на мои слова.

– Монгол, монгол, монгол, – повторил я несколько раз, наблюдая за реакцией. Затем спросил – где находятся остальные кочевники, вновь нажимая на болевую точку. – Та хэр олон байдаг ба бусад ньхаана байна вэ?²

– Тешенмий... – прохрипел степняк.

Здрасте, приехали! Это точно не монгол. Не монгольский говор, уж наслушался за шесть лет. Может, татарин какой?

– Матвей Власович! – позвал я Кубина.

– Да, Владимир Иванович? – подошел дед, с интересом посмотрев на степняка.

– Вы случайно татарским языком не владеете?

– Увы, – развел руки старик.

– Жаль.

Тут я увидел, что он еще бос.

– Матвей Власович, вы бы обулись. Поищите вон в хламе на телегах. Кстати, что там с девушкой?

¹ Таны нэр юу вэ? – Как тебя зовут? (монгольск.)

² Та хэр олон байдаг ба бусад ньхаана байна вэ? – Где находится ваше становище? (монгольск.)

– С Софьей Ильинишной все в порядке. Напугана сильно. Владимир Иванович, не трудитесь с этим кощим, я знаю, где толмача сыскать. У купцов.

Посмотрел на степняка. И действительно! Ударом по шее вырубил пленника и связал его опять особо, но без петли на шее. Просто руки и ноги вместе.

Кубин всю колдовал у костра. На огне стоял котелок с водой, рядом грелось мясо, насаженное на заточенную палку. Я хмыкнул, хоть бы саблю вон взял, а обулся-то... впрочем, его дело.

– Владимир Иванович, – почти взмолился старик, – не томите. Расскажите все! Кто, откуда, а главное – КОГДА?!

Эк, как он вопрос выделил!

– Что же, теперь можно и поговорить. – Я взял небольшой тюк с какой-то рухлядью, бросил рядом с костром и присел. Покосился на девушку, сидящую у телеги и настороженно наблюдающую за мной, и сказал:

– Итак, я Велесов Владимир Иванович, из России две тысячи двенадцатого года.

– Две тысячи двенадцатого! – потрясенно повторил дед.

– А вы, я так понимаю, конец девятнадцатого – начало двадцатого?

– Тысяча девятьсот четырнадцатый год, – вздохнул Кубин.

– И сколько вы тут?

– Тридцать лет уж. Мне тридцать пять было, как мы в прошлое попали.

– Мы?

– Четверо нас было. Как сюда попали, не знаем. С гостей ехали, заплутали, на ночь в лесу остановились. Утром выехали, а навстречу семь конных, странно все одеты. Хотели убить нас, только хлопотно это. Отбились, но брат мой рану в живот получил. Через день умер.

И Кубин перекрестился.

– А дата? То есть число какое было?

– Двадцать седьмое июля было. А в чем дело?

– На следующий день война началась, Матвей Власович. На ней больше десяти миллионов погибло.

– Господи! – он застыл с закрытыми глазами. Затем потребовал: – Говори!

Я начал рассказывать о Первой мировой все, что знал. О русских войсках, о первых победах, затем о поражениях. Кубин сидел, катал желваки и смотрел на костер. Но как только начал говорить про то, что случилось позднее, то вскочил:

– Не верю! – Вскочивший Кубин сделал три шага от костра. – Нет! Не верю! Не может такого быть!

Вернулся, сел на положенные на землю седла и, смотря мне в глаза, спросил:

– Как такое может быть?

Я пожал плечами:

– Все причины и предпосылки я уже упомянул. Больше добавить нечего. Одно могу сказать – как говорили не раз – страну просрали, извините за мой французский.

Кубин кашлянул:

– А французы тут при чем?

– А приговорка такая, не обращайтесь внимания.

– И ничего не смогли сделать? – Расстроенный старик сплюнул. – Я всегда говорил, что жандармерия – это сборище тунеядцев.

– А жандармерия тут ни при чем. Всю страну затащило разом.

– Всю страну затащило... – тихо повторил Кубин и посмотрел мне в глаза. Морщины на его лице сдвинулись, глаза заслезнились. – Скажи, что это неправда.

– Это правда, Матвей Власович.

Обхватив голову руками, он застонал:

– Бедная моя Лиза... бедная моя мама... бедная моя страна. Как такое возможно? Как такое пережить?

– Это еще не все, Матвей Власович.

– Что? – вздрогнул Кубин. – Что еще может быть страшнее того, что ты мне рассказал?

– Война, Матвей Власович. Другая ВОЙНА.

Кубин вдруг резко встал и отошел. Вернулся с дровами. Бросил рядом и стал медленно подкидывать сухие ветки в костер. Поднял усталое морщинистое лицо.

– Не надо дальше рассказывать. Пока не надо. В Китеже, в храме Владимирской иконы Божией Матери, – протоиерей Григорий, мой друг и один из четырех офицеров, что тридцать лет назад попали сюда. Нам вместе и расскажешь. Так лучше будет.

Пристально посмотрел на Кубина – на его лице по-прежнему расстроенное выражение, никаких намеков на шутку.

– Матвей Власович, я не ослышался?

– Что? – не понял дед.

– Вы сказали, что храм находится в городе Китеже.

– А-а-а, – лицо старика посветлело, и он перекрестился. – Да, я не оговорился – град Китеж явен, как вы и я...

Выстроенные в строгом порядке вопросы смешались в кучу малу. Былину о граде Китеже слышал – сказочно красивый город погрузился в воды озера Светлояр, чтобы не достаться на разграбление, бесчестье и смерть беспощадному врагу. Былина есть былина, то есть сказка, а в них я не верю, пока лично не увижу или не пощупаю. По словам Кубина, город заложил еще князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, а Юрий Всеволодович фактически достроил Китеж. Это не соответствовало известной мне истории. Но кто знает? За семь веков много вод утекло, и каждый последующий историк толковал события в угоду своей «мудрости». Был ли или не был – вопроса не стояло – рядом человек, говоривший, что Китеж – был, значит, так оно и есть. Вот только Кубин произнес – стольный град Китеж. Насколько я понял, город стоит в версте от Светлояра, на берегу реки Люнды. Я могу ошибаться, но, насколько помню, речка в тех местах мелкая, в основном с заболоченными берегами. И явно не судоходная. Все торговые пути – в стороне, военной или политической роли город не имеет, так как находится далеко от Великих Княжеств, даже от нынешнего форпоста Руси – Новгорода (то есть Нижнего Новгорода) находится за сто двадцать километров. Китеж не соответствует современным для этого времени требованиям. Значит, он имеет другую ценность – духовную. Однако все же стоит взглянуть на былинный город.

– Я тоже повременю со своими вопросами, – решил я, – лишь уточните – какой сейчас год?

– Шесть тысяч шестьсот сорок шестой год от сотворения мира, – ответил Кубин, затем поправился: – Одна тысяча двести тридцать седьмой от Рождества Христова.

В точку! Именно на это столетие я больше внимания обратил при изучении материалов в Интернете. Тогда просто необходимо посетить Китеж и побеседовать с людьми, прожившими тридцать лет в прошлом. Наверняка они знают – что произойдет следующей зимой. И выяснить – что они сделали для того, чтобы предотвратить поражение русских войск.

Посмотрел на Кубина и заметил, что он почти неотрывно смотрит на мясо. Хотя и вид оно имеет неаппетитный. Успело поваляться на земле, да и обглодано...

Наверняка и девушка голодная. Тогда вопросы потом. На сытый желудок и разговор по маслу. Чем накормить? Не вопрос.

– Вот что, Матвей Власович, бросьте эту гадость, – я показал на мясо. – Есть кое-что более съедобное.

Взял свой ранец, сдернул защитный чехол и достал ИРП-5. Одного вполне хватит. Сам только кофе попью. Вскрыл упаковку рациона, вывалив все рядом с костром. Сунул галеты Кубину:

– Вот, погрызьте пока. И... Софью Ильиничну позовите. – А сам с котелком и упаковкой направился к роднику, замеченному еще при осмотре стоянки. Тщательно вымыл котелок, затем набрал воды и в него, и в пакет. Вода чистая на вид, но прокипятить необходимо. Вернулся к костру, повесил котелок на сук над костром, пакет поставил рядом – эта вода для умывания, а пока надо накормить голодных. Вскрыл все банки, расставляя их перед аборигенами.

– Вот это тушеная говядина, это рис с курицей, это гуляш с картофелем, вот икра овощная...

Кубин хрустел галетами и внимательно наблюдал за моей возней. Из-за его спины испуганно выглядывала девушка. Протянул вскрытую банку с плавленым сыром:

– С этим вкуснее и сытнее. Матвей Власович, не смущайтесь, ешьте. Консервы можно на огне чуть подогреть. Софья Ильинична, не пугайтесь меня, я не демон какой, – я распечатал шоколад и протянул его девушке, – вот, это вкусно и питательно. Попробуйте.

Софья, смущенно поглядывая, осторожно взяла протянутую упаковку.

– Благодарствую, боярин.

Удовлетворенно хмыкнул – боярином признали, а не хлопнулись в обморок, это уже достижение. Немного посмотрел, как, осмелев, аборигены навалились на еду, занялся своим лицом. Достал салфетки, смочил их водой и стер тактический крем. Протер лицо начисто еще раз, затем вытерся чистой салфеткой.

Котелок уже закипел. Сдвинул его от огня, достал кружку, вскрыл пакетик кофе, высыпал порцию сахара и налил кипятка. Прихлебывая кофе, наблюдал, как аборигены, освоившись, уминали продукты из пайка.

– Этот паштет просто невозможно вкусен! – Кубин облизал пластмассовую ложку, посмотрел на нее и спросил: – А что это за материал?

– Пластик. Очень дешевый материал.

– Удивительно! – он вновь зачерпнул паштет. – И вкусно!

Я допил кофе и стал прибирать то, что не пригодилось сейчас: баночку с поливитаминами, жевательную резинку, таблетки пантоцида, сухое горючее, спички, дезинфицирующие салфетки...

Все сложил в кармашек ранца. Заметив взгляд Кубина, хмыкнул, поняв его желание, и сделал ему кофе. Протянул кружку старику и показал на пакетики с сахаром:

– Посластите.

– Не надо.

Я навел киселя из пакетика рациона в пластиковый стаканчик и подал Софье.

– Вот, попробуй, краса-девица.

– Благодарствую, – слегка покраснела девушка.

– Только смотри, пей осторожно. Горячее.

Матвей Власович пил кофе с наслаждением, причмокивая и громко выдыхая после каждого глотка.

– Уф, велелепно-то как! Какое наслаждение! – Жмурился от удовольствия Кубин. – Боле тридцати лет не пил сей напиток. Уж и не чаял...

Вдруг его взгляд стал более красноречив. Я поднял бровь. Кубин обернулся к девушке:

– Софья Ильинична, подь покамест посмотри обувь для себя, а мы с Владимиром Ивановичем поговорим. – И, дождавшись ухода девушки, продолжил: – Будьте любезны, закупить... пожалуйста...

Усмехнулся и протянул раскрытую пачку старику. Тот вытянул сигарету, удивленно прочитал на ней название – «Петр Первый», – затем прикурил от уголька. Теперь он наслаждался табаком.

– Вы простите старика, расклеился с okazji такой, – тихо проговорил Матвей Власович. – Неожиданно и невероятно все. Рассказ ваш о будущем, и вообще... за тридцать лет забыл, что это такое...

Кубин поднял оброненную обертку от шоколада и с удивлением прочитал:

– «У России есть только два союзника – армия и флот». Александр Третий».

Взгляд его вновь погрузнел. Я выудил фляжку с коньяком и предложил:

– Матвей Власович, давайте на «ты»?

– Давай, чего уж... – махнул рукой Кубин.

Я плеснул коньяка в кружку, и мы выпили на брудершафт.

– Ну как? Власыч, полегчало?

– У-у-ух! – Лицо его разгладилось. – Власыч? Мне нравится, Володя. И...

Он улыбнулся, выразительно посмотрел на карабин и застенчиво попросил:

– Можно посмотреть?

Я отсоединил магазин, дернул затвор. Вылетевший патрон защелкнул в обойму и передал «Тигр» Кубину.

– Это карабин «Тигр», гражданский вариант СВД. Прицельная дальность триста метров.

– Какая интересная компоновка. – Кубин приложил приклад к плечу и прицелился в сосну. – Удобно, а СВД – это что, тоже винтовка?

– Да, снайперская винтовка Драгунова – эффективная дальность восемьсот метров, с оптикой до тысячи трехсот.

– Что за оптика?

Я вынул из ранца футляр с прицелом, достал его и присоединил к «Тигру».

– Попробуйте.

Власыч посмотрел в оптику.

– Изрядно-изрядно! А-а-а... – Его глаза остановились на рукоятке пистолета.

– Это ГШ-18, – сказал я, вынимая пистолет. – Самозарядный пистолет Грязева-Шипунова. Калибр девять миллиметров, магазин на восемнадцать патронов. Убойная штучка. Шьет любой броне... любую современную броню. Даже щит ему не помеха.

Кубин кивал, любовно поглаживал «Тигр», иногда прикладывался к карабину, целясь в разные места.

– А что это на нем? – и он показал на зеленую махру, намотанную на цевье и прикладе.

– Это для незаметности. Как мой маскхалат и чехол на ранец. Ладно, Власыч, – я поднялся и забрал «Тигр» у Кубина, – у нас много дел и вопросов, ждущих решения.

Я зарядил карабин и перебросил его за спину.

– Да-да, – поднялся Кубин. – Надо все добро прибрать.

Для начала мы оттащили трупы в сторону.

– Глянь-ко, Володя, – дед показал на мертвяка, одетого в хорошую кольчугу, – а ведь эта броня русской работы.

Я пригляделся и пожал плечами. Для меня никакой разницы. Заметил лишь иное плетение, и мельче, чем у Куклина. И еще, это именно тот мертвяк, на которого косился пленник. Всмотрелся в лицо, затем осмотрел остальных. Хм, а этот отличается, и заметно. Разрез глаз уже, скуластее, у всех обычная борода, а тут лишь тонкие усы... и вообще, этот дохлак лучше одет. Ох, недаром пленник косился на него.

– Власыч, – позвал я Кубина, – я думаю, это был у них старший.

– Согласен, – кивнул дед, – я хоть басурманского не разумею, но по разговорам понял – десятник это. Говорил резко, высокомерно и зыркал все время. Недобро так.

Резкий говор как раз характерен для монгол, плюс непохожесть... и еще...

– Власыч, – покосился я на деда, – а как ты в плен-то попал?

– Как-как, – нахмурился Кубин, – с тремя отроками с Верш на Полески ехал. Эти выскочили из леса – и за нами. Отрокам сказал, чтобы уходили в лес, а сам поганых на себя отвлек. Они коня подо мной убили. Я соскочил неудачно – о сосну приложился. Очнулся уже связанным.

Хм – я потер подбородок, тут что-то не то. Ладно, девку везли, тут все понятно, но за кой им понадобился старик? Как источник информации?

– Власыч, я так понял: поганые тут давно пакостят. Почему местные власти не могут собраться и истребить эту заразу?

– Да пытались! – зло ответил Кубин. – Как выйдет дружина, так исчезают без следа! Почитай с зимы беда такая. Мыслью, помогают им, и кто-то из местных. Мордва замирена давно, но поди ж имеются иуды...

Если степнякам помогает кто-то из местных, тогда понятно, что до сих пор их тайное стойбище не нашли. Керженские леса густы и непроходимы, если не знать тайных троп.

Кубин тем временем начал обыскивать трупы, откидывая в сторону наиболее ценные вещи. Раздевать их не стали – от стеганых халатов несло чем-то протухшим, да и кровью забрызганы были. Только забрали оружие и сняли единственную кольчугу. Затем занялись инспекцией транспорта. На телегах было сложено много чего. Приподнимая тюки и рулоны с сукном, приблизительно определили их количество. На второй телеге на дне обнаружили сундучок, три круглых футляра с расходящимся днищем, пять мечей, три сабли и сверток с разнокалиберными ножами.

– Похоже, поганые какого-то купца разграбили, – предположил Кубин. – Столько сукна и прочего материала, а оружие какое...

Матвей Власович развернул сверток с ножами, затем проверил каждый клинок, вынимая его из ножен.

– Хорошие клинки.

Затем он раскрыл один из футляров и присвистнул.

– Что? – оторвался я от разглядывания булатного узора на одной из сабель.

Дед вынул из футляра несколько специфичных деталей, в которых я узнал части от боевого лука.

– Это лук, Володя. Дорогой лук. На дюжину гривен стоит. – Затем Кубин раскрыл остальные футляры. – И тут луки.

– Еще в сундук надо глянуть.

Мы вытащили тяжеленный сундук и поставили рядом с телегой. Я сбил незамысловатый замок, откинул запор и поднял крышку. Присвистнул одновременно с Кубиным, и было отчего – сундук полон серебра в узких брусках и монетах. Сверху лежали четыре мешочка. Я развязал один и вытряхнул на руку золотые монеты.

– Точно купца разорили! – потрясенно проговорил Матвей Власович.

Мы переглянулись.

– Сколько тут?

– Много, Володя, много.

Я сыпал золото обратно в мешочек и выудил серебряный брусок. Гривна была непривычной, чуть изогнутой формы.

– Что можно купить на одну гривну?

– Купить холопа, поставить деревеньку дворов на три-четыре, пяток саврасок, коров дюжины полторы, броню хорошую, вот как эта, – и старик показал на лежащую кольчугу, –

булатнойковки меч или саблю. Много чего. Можно на десять гривен нанять дюжину воев. А тут... – Кубин выложил мешочки с золотом, приподнял сундук, поставил, немного постоял, загибая пальцы, что-то тихо бормоча, затем сказал: – Не считая золота, два пуда, значит, тут серебра на сто шестьдесят гривен! А золота... – Матвей Власович посчитал золотые монеты в мешочках. – Сто золотых...

– И чье, интересно, это богатство?

– Как чье?! – удивился дед. – Ты его на меч взял – значит, твое.

Сдвинул панаму на затылок. Еще раз вопросительно посмотрел на Кубина. Тот закивал:

– Твое-твое, все твое.

Закурил, игнорируя удивленный взгляд Софьи. С ума сойти, всего лишь освободил двух пленных, при этом отправив к степным богам полтора десятка кочевников. А каков бонус – целая казна, это не считая прочих вещей и оружия, которые тоже имеют хорошую цену, если верить Кубину. Мне нравится это время!

Кубин поднялся и подошел к куче трупов.

– Кстати, я обратил внимание на раны. Отлично владеешь ножом, Володя.

– Хорошо учили... – рассеянно ответил я. Меня занимали другие мысли.

Не знаю – как ко всему этому отнестись. Вот так внезапно стать богатым. И не просто богатым...

Возможно, я ошибаюсь, но по местным меркам у меня чуть ли не княжеская казна. На эту сумму можно нанять приличное войско. А можно поступить по-другому: вернуться в свое время, продать пару золотых и... попасть под внимание властей и ОПГ. Нет, не вариант, без связей золото не реализовать. Тем более в монетах до тринадцатого века. Оформить как клад – времени займет уйма, а у меня его нет. Если в моем времени прошел день, то тут – целый месяц. Значит, в моем распоряжении будет максимум пара дней. Но что можно успеть за два дня? Где денег добыть? Это тут я богат, а там... моих сбережений хватит на ящик патронов к «Тигру», только этого мало. И вряд ли мне продадут этот ящик без лишних вопросов, да и охотничьего билета я не имею. У отца в сейфе гильз, капсюлей, дроби и пороха к двустволкам достаточно для моего времени, однако смехотворно для этого. И что можно сделать парой двустволок с убойностью на сотню метров? Лучше уж арбалетов надевать... кстати, хорошая идея! Пороха тоже мало, про дробь вообще заикаться не стоит, разве что переплавить на пули. Вот бляха муха! Что делать-то? Связаться с ребятами и попросить достать оружие и боеприпасы? Возникнут вопросы. Возможно, поверят, после демонстрации, но это опять потеря времени. Пока мы ходим туда-сюда, несколько месяцев пройдет, а там – здравствуй, зима и монгольские «гости».

Значит, все деньги реализуем тут. И добро тоже. Что по надобности – оставим, остальное на продажу. Кстати, надо бы инвентаризировать, хотя бы приблизительно. Пробежался взглядом по всему, считая:

«Итак, что мы имеем. Тридцать две лошади. Две телеги. Сукна и прочих тканей – восемнадцать тюков. Одежды всякой – четыре тюка. Обуви разной – двадцать три пары. Восемнадцать сабель. Пять мечей. Три десятка ножей разных. Две кольчуги, то есть одна – Кубин нашел свою кольчугу. – И деньги: сто золотых и серебра на сто шестьдесят гривен».

Для задуманного дела пригодится все, даже секунд-хенд. В крайнем случае одежду и обувь продать можно. И много чего придется закупить, но все потребности надо хорошенько обдумать. Однако однозначно буду отталкиваться от ништяков из будущего. Все, что достать сумею.

Посмотрел на Кубина, он явно что-то задумал. А-а-а, он решил лук опробовать!

Тем временем дед достал из короба палку с плавными перегибами, оттуда же вынул тетиву. Зацепил ее за вырез нижнего плеча, затем оплел лук ногой, наваливаясь телом и сги-

бая лук, зацепил тетиву за верхнее плечо. Поднял, попробовал натяжение, затем, выхватив стрелу из рядом лежащего тула, выстрелил в сосну.

– Хороший лук! – любясь оружием, проронил Матвей Власович. – Володя, попробуй-ка!

Кубин дал мне наручь, кольцо на палец, показал – как правильно надеть, хоть я это знал, однако промолчал...

Я стрелял из лука. Куклин как-то делал его из можжевельника. Мы всю стену сарая истыкали! Но то был простой деревянный лук, красиво украшенный, а этот... этот внушал мощь, стоило только взять его в руку. Пожалуй, этим луком можно запросто закинуть стрелу на пять сотен метров. Если верить тому, что я прочитал в Интернете, то, действительно, стрелой, выпущенной из боевого лука, можно не только пробить насквозь всадника, но и пригвоздить его к лошади. Еще закованные в стальные доспехи рыцари прошивались бронейными стрелами насквозь. И это на расстоянии за сотню метров!

Что ж, попробуем! Взял тул, привязал его к ремню сбоку, вынул стрелу, наложил на тетиву и огляделся в поисках мишени.

– Вон в ту же сосну и стрельни, – посоветовал Кубин, показывая на дерево в двадцати метрах.

– Власыч, мы не ищем легких путей, – ответил я, резко разводя руки и спуская тетиву.

У деда вытянулось лицо. Честно говоря, сам не ожидал такого результата. В ста метрах, в корявой сосне, ровно в центре круглого нароста торчала стрела.

– Ты явно не впервой с ним дело имеешь... – удивленно пробормотал дед. – В ваше время в разведке учат стрелять из луков?

Коротко кивнул, не выдавая своего удивления. Надо повторить прицельный выстрел, а потом на скорость стрельбы, если получится...

Вновь стрела на тетиве. Цель та же – круглый нарост на корявой сосне. Прищурился, глядя на цель, – надо вновь попасть в самый центр. Теперь я разводил руки медленно, держа стрелу на одной линии с целью. Всего сто метров. У лука очень мощный бой, превышение можно почти не учитывать, разве только чуть-чуть. Вдруг показалось, что я вижу пятку торчащей в наросте стрелы, наконечник как будто уперся в нее. От неожиданности спустил тетиву...

– Матерь Божья! – вырвалось у Кубина. – Прости меня, Господи!

Он рванул к сосне, словно спринтер, за ним помчалась девушка. Я помотал головой, не веря своим глазам. Нет, тоже надо сходить, вдруг показалось? Подошел к сосне. Рядом соляными столбами застыли Кубин и Софья Ильинична.

Вот это номер! Не ожидал, что так выйдет, – вторая стрела расщепила первую точно посередине, и обе вошли в ствол на треть. Будь сосна чуть тоньше, пробили бы насквозь.

– Это поразительно! Володя, это... это... – Кубин покачал головой. – Знаешь, Володя, теперь я припоминаю. Когда-то давно, лет тридцать назад, я был сам удивлен изрядно, когда в первый раз лук в руки взял. Ведь и не стрелял никогда. Вообще! А тут раз, и... как будто с луком в руках родился. Но так стрелять... удивительно!

М-да, дела. Все чудесатее и чудесатее... сказка, так сказать, продолжается! С любого пристрелянного огнестрела всегда выбивал сотку из десяти выстрелов. На любой спор. Так теперь выясняется, что из лука я робингудистее Вильгельма Телля! Хор-р-оший бонус!

Вернулись к телегам. Весь путь ощущал на себе восторженные взгляды аборигенов, особенно Софьин. Причем при ответном взгляде она сразу краснела, отводя глаза. Отрадно, что смущение не от моего необычного для этого времени наряда. Что ж, продолжим зарабатывать очки у предков. Самому интересен дальнейший результат – как у меня выйдет стрельба «очередями»?

В видеоролике о быстрой стрельбе из лука видел, как лучница без особого труда выпускает одну стрелу в секунду. Это примерно шесть-семь стрел, одновременно находящихся в воздухе. Однако все спортсмены стреляли из спортивных луков с силой натяжения двадцать пять килограммов. Как бы они вложились в свой норматив с боевым луком натяжением в восемьдесят кило?

Мне бы темп и в две-три стрелы не помешал. Сначала потренировался в выхватывании стрел из тула. Выходило не очень. Не совсем удобное для быстрой стрельбы расположение футляра со стрелами – при вытаскивании наконечники цепляли верх футляра, и стрела порой вываливалась из пальцев. Приспустил тул пониже, стало удобней выхватывать, однако футляр если не волочился по земле, то передвижению точно бы помешал. В одном из фильмов видел стрелы в футлярах за спиной у стрелка. Но у меня за спиной – карабин. Передал его Кубину и переместил тул назад. Опять попробовал быстро выхватывать стрелы – лучше, но все равно – тренировка и еще раз тренировка, а пока воткнул рядом пяток стрел и приготовился к стрельбе.

Попытался вызвать то состояние виденья мишени. Пригодится в будущем. Вновь прищурился, стараясь видеть лишь округлость нароста, однако эффект приближения на этот раз почему-то не сработал. Может, только со стрелой получается? Потом проверим.

Подхватил торчащую у ноги стрелу, наложил, развел руки, выстрелил... с-ден... с-ден... с-ден...

Пять стрел воткнулись в сосну с двухсекундным интервалом, образовав на наросте неправильный пятиугольник. Отрадно, что не промазал, так как метал стрелы лишь в сторону района прицеливания. Рядом взвизгнула Софья, а Матвей Власович похлопал в ладоши: – Неплохо-неплохо, Володя. А ну-ка...

Кубин протянул мне карабин, забрал лук, пять стрел и быстро выпустил их в сосну. Нарост превратился во что-то похожее на дикобраза. Но скорость, с которой старик метал стрелы, поразила: шесть-семь в воздухе Кубин точно держит.

Теперь аплодировал я. Матвей Власович картинно поклонился, а я замер, так как почувствовал, что в окружающей нас обстановке что-то поменялось...

Глава 4

Лесная тишина специфична. В зависимости от времени суток лес имеет разный фон. Ночью ли, утром или днем, с ветром или без, слышен шелест листвы и тонкое, на грани слышимости, зудение насекомых. С рассветом к фону примешивается щебет птиц. И всякое изменение этой какофонии заметно для понимающих.

То, что мы не одни, я понял минуту назад. Соловьиное сольфеджио вдруг всего на пару секунд сместилось в одну сторону, и протрещала сорока. Именно там, откуда я пришел.

Знаками показал Кубину направление опасности. Для Софьи приложил палец к губам, надеясь, что жест понятен, и кивнул на телеги, чтобы спряталась. «Тигр» с боеприпасами отдал Матвею Власовичу и показал на трухлявый пенёк чуть выше телег. Тот понял и занял позицию. Тихо ступая, я поднялся выше по распадку, затем сделал петлю, выйдя недалеко от обрыва, и затаился за сосновым стволом в два обхвата.

Ага, вот и гость. Один или с друзьями? Шел он, надо признать, тихо. Однако какой здоровенный, бугай! Оп-па, а вот и друзья! Еще двое крадутся следом. Вооружены ножами и луками, правда, простенькими, охотничьими. У старшего имеется сабля. Всего трое. Тогда обойдемся без огнестрела. Бугай задержался около сосны, от которой я отстреливал часовых кочевников, и махнул рукой тем двоим. Один задержался, ему что-то бугай зашептал, а второй двинулся прямо на меня. Решил поверху обойти? Ну-ну. Расстояние между нашими соснами метров сорок, можно попробовать тихо нейтрализовать всех поодиночке.

Первый «гость» прошел мимо сосны. Хватило секунды, чтобы вырубить его ударом по шее и спрятать бесчувственное тело за стволом. Совет закончился, и бугай пополз на край обрыва понаблюдать, а в мою сторону двинулся еще один кандидат. Похоже, исчезновения друга они не заметили. Отрадно! Уложив рядышком второе бесчувственное тело,глянул мельком на лица обоих... мальчишки, точнее парни тринадцати-четырнадцати лет! А не те ли это отроки, о коих Кубин говорил? И что, они втроем решили перебить полтора десятка степняков? Безумству храбрых... впрочем, не трусы – уважаю. Правда, их вполне может быть больше, например, на той стороне распадка, а эти как прикрытие. Стрел в колчанах у каждого по три десятка запасено. Ладно, посмотрим. Но нейтрализовать, пока они не наворотили дел, надо. Хорошо, что бил слегонца, только чтоб выключить ненадолго, дети ведь.

Что там бугай? А он выглядел озадаченным, видать, узрел на стоянке непонятную композицию: спокойные кони, аккуратные стопки всякого добра, курящийся дымком костер, мертвые степняки неподалеку рядом лежат и тишина...

Оп-па, кому-то знаки подает. Значит, на той стороне распадка еще «гости». Двинулся к бугаю. Подкрался вплотную. В последний момент он что-то почувствовал. Подскочил с разворотом довольно быстро. От огромного кулака я еле увернулся. Затем бугай оторопело замер. Пока он пялился на нечто мохнатое, «толкнул» его в солнечное сплетение, чтобы ненароком не покалечить. Взмахнув всеми четырьмя конечностями, парень улетел за сосну.

– А-а-а! – с восточной стороны лощины поднялись с десятков человек с копьями и кинулись к телегам. Ага, вот и основной пионерский отряд!

– Матвей Власович, это не ваши ли отроки?! – крикнул я из-за сосны.

– Мои! – крикнул в ответ Кубин и поднялся во весь рост. – Стыдно признаться! Недотепы!

Атакующие остановились и начали непонимающе оглядываться.

– Что встали, олухи, – неистово кричал дед, – идите сюда! Вразумлять буду!

– Не будьте к ним так строги, Матвей Власович. – Я вышел из-за сосны и начал спускаться вниз. – Они из чистых побуждений. Ведь освободить вас хотели!

Парни, увидев «лешего», мгновенно сбились в кучу и оцетинились копьями. Улыбнулся на эту реакцию, ладно хоть не кинулись на «нечисть лесную». Скинул капюшон маск-халата и сдвинул панаму на затылок, хоть, видя человеческое лицо, не так пугаться будут. Присел рядом с ушибленным бугаем, уже приходящим в себя. Подошел Кубин и покачал головой:

– И это мой лучший ученик! Ни тихо подойти, ни кощего имати! Бестолочь...

– Ну-ну, Власыч, – решил вступить за парня, – все-таки я в разведке уже пятнадцать лет. Много чего «умею». А это дети еще...

– А мнить кто будет? – и Кубин постучал пальцем по голове парня. – Отрастил бестолковку...

Я понял, что старик лишь делает вид, что сердится на ребят, на самом деле он был доволен, что они не бросили своего наставника. Парни смущенно топтались рядом и краснели от слов Кубина.

– Кстати, там под сосной я двоих спать уложил. Пусть парни сходят и принесут их сюда.

Я показал, в какой стороне оставил ушибленных.

– Митяй! – Кубин наставил палец на впередистоящего. – Возьми еще троих, и сходите вон туда, Треша и Макара принесите.

Четверо парней пошли в указанном направлении. Остальные столпились у трупов.

Бугай наконец открыл глаза и... заелозил от меня вниз по склону, потом он заметил Кубина и замер, переводя взгляд то на меня, то на Матвея Власовича.

– Ну, давай знакомиться, я Владимир Иванович Велесов.

– Демьян... сынонец боярина Горина.

– Что ж, хорошая реакция, Демьян Горин, – сказал я и, заметив, что тот непонимающе моргает, поправился: – Сноровистый, говорю, ты, вон как вскочил, даже ударить пытался.

– Но не смог же, – смутился парень. – Вон как меня вдарил! Мне так не смочь...

– Ничего, – подбодрил я Демьяна, – научим. Поднимайся.

Сундук с деньгами мы предусмотрительно убрали под тюки, только оружие пока лежало на виду, в том числе и луки. Горин увидел боевой лук и чуть ли не слюну от восторга пустил. Учитывая его стоимость, восторги понятны. Это как с моей зарплатой на крутую иномарку в автосалоне любоваться. Кубин, заметив внимание парня, хмыкнул и сказал:

– Не про твою честь сие. Владимир Иванович тут все на меч взял, так что негоже и зрить даже.

Парни стояли у трупов и тихо переговаривались, иногда с опаской поглядывая на меня. Свое оружие они сложили, прислонив копья к телеге. Теперь стало понятно, что это охотничьи рогатины. Я взял одно в руки. Широкий обоюдоострый наконечник, похожий на кинжал, с поперечиной, был насажен на двухметровое рябиновое ратовище. Хм, и довольно-таки увесистое. С физической подготовкой молодежи тут не совсем плохо, как я подумал вначале. А если ребят поднатаскать в рукопашке и фехтовании, то толк будет.

Кандидаты на учебу явно обсуждали раны у трупов. Софья, видно, была с парнями знакома и теперь тихо что-то им нашептывала, искоса поглядывая на меня. Наверняка рассказывает все страсти, что произошли тут до их появления.

Солнце просвечивало сквозь кроны сосен. На небе ни облачка. День обещал быть жарким, а я из-за последних попрыгушек уже хорошо пропотел. Снял с себя «Гилли» и упаковал его в ранец.

– Переодеться бы надо, Володя, – сказал Матвей Власович, глядя на камуфляж. – Твой наряд для леса хорош, но странен весьма.

– Я с собой ничего больше не взял.

– Так добра-то... – повел рукой старик по телегам. – Выбирай на вкус.

Вкусы у нас разные. С одеждой на телегах возился не я, однако видел, когда Софья и Кубин тряпье перебирали, – один секонд-хенд. На первый взгляд из нового только сукно и прочая ткань. Не драпировать же себя простынями на римский манер или шитьем заниматься. Кислое выражение на моем лице Кубина удивило:

– Никак брезгуешь местной одежей? Глянь-ка...

Он начал выкладывать рубахи, штаны и обувь. Все разложил на тканых рулонах. Я посмотрел, пощупал, даже понюхал. Хм, вроде как новые, можно и надеть, но прежде надо умыться, хотя бы по пояс. Вылил из короба ИРП воду в котелок, сходил к роднику, набрал еще воды и вернулся к телегам. Пощупал ткани, выбрал подходящее для полотенца и оторвал кусок. Затем, не обращая внимания на взгляды, разделся до пояса. За спиной зашептались. Наверное, шрамы мои увидели.

– Софья Ильинична, – позвал я девушку, – будьте добры, полейте мне, пожалуйста...

– Да-да, боярин, – спохватилась она, – я мигом.

Но, немного не дойдя до меня, девушка замерла. Постепенно на поляне стало тихо. Заметил, что Кубин тоже в ступоре. И что на этот раз? Шрамы удивили? Так они в любое время считались украшением мужчин. Или рисунок какой появился на мне? Даже на плечо покосился – нет, летучая мышь на коже не проступила. Все татуировки свел в свое время. Так было надо.

– В чем дело, Матвей Власович? – поинтересовался я у старика.

– Крест! – ответил он, троекратно крестясь.

– А что крест? – я посмотрел на грудь. Ну да – крест. Ну, золотой. Ну, большой. И что? Я знал, куда иду, и надел его, так как других не имел. Я хоть и крещен, как и мои родители, но в церкви даже и не помню когда в последний раз бывал. А тут церковь – самое почитаемое и посещаемое место. Как бы я смотрелся без креста?

– Этот крест... откуда он?

– Отцов.

– Да? – Кубин с интересом на меня посмотрел. – А можно... посмотреть?

– Можно, – пожал плечами я. Однако снимать его не стал, мало ли чего подумают? Вроде как крестик никогда не снимали. Вообще. Матвей Власович подошел ближе, чуть приподнял крест, рассматривая его, затем повернул...

– Матерь Божья! – воскликнул Кубин. – Это же...

– Что?

– Вот, Володя, буквы, – и он показал на уже виденную мной надпись: – «Кнж сн влхтг хрн ісхс».

– Я их видел, только так и не понял – что за шифр такой.

Когда я искал инфу по Интернету, то просмотрел множество сайтов по религии и символике, но ничего похожего не нашел, разве что четыре последних буквы смог расшифровать.

– Это читается так: княжьего сына волохатого храни Иисус Христос!

Какого княжьего, да еще волохатого? Смотрю на Кубина – тот тоже в некой прострации. Вокруг картина – к нам едет ревизор. Опять испуганный взгляд Софьи, в глазах парней лишь восторг и... что-то еще.

– Власыч, – тихо шепчу я старику, – поясни мне – что все это значит?

– Дело в том, Владимир Иванович, – вдруг чересчур официально произнес Кубин, – что такой же крест у боярина Владимира Дмитриевича. А волохатый сын – означает сын Велеса.

Мысли спутались. Без пузыря не разберешь. Взял с телеги разгрузку, из кармана выудил фляжку и сделал пару глотков, а Кубину сказал:

– Власыч, давай об этом позже. Умоюсь, оденусь, а там... – и остервенело почесал плечо. Комарье тут злющее, успели на моей спине пирушку устроить.

– Да-да, конечно.

Матвей Власович взял короб с водой и начал лить тонкой струйкой. Наскоро умывшись, растерся куском ткани и начал облачаться в древние наряды. Надел штаны из тонкого и мягкого войлока с кожаными вставками, рубаху с широким воротом и просторными рукавами. Сапоги оказались чуть великоваты, не смотря на мой сорок третий размер. Проблему решил просто – оторвал немного ткани и, под одобрительный хмык старика, намотал, как портянки. А что, хоть и чересчур мягкая подошва, но удобно. Кубин предложил широкий парчовый кушак. Однако я сначала нацепил бронежилет. Будет вместо поддоспешника. В завершение надел еще одну рубаху, а затем настал черед кушака.

Жаль, зеркала нет. Полубоваться бы, может, я по-идиотски выгляжу, однако Кубин только языком цокал. Что ж, доверимся вкусу аборигена. В завершение опоясался ремнем и нацепил трофейную же саблю.

Хорошо, когда есть кому управиться, собрать все вещи. Я представляю, как седлать лошадей, однако разница есть – представлять и уметь. Парни споро собрали все вещи, оседлали лошадей, двух запрягли в телеги. Свой ранец я сунул в переметную суму, карабин замотал тканью, но так, чтобы быстро расчехлиться. Пистолет пристроил в налучье, пусть тоже будет рядом.

Коня мне подвел Демьян и помог накинуть сумы на заводного.

Эх, только бы не опозориться перед аборигенами. Тут все великолепные наездники, а я так, даже дилетантом не назовешь. Однако, на удивление, сел на коня без проблем. Он даже слушался меня! Странно, даже появилось такое ощущение, что в прошлой жизни я был кавалеристом. Это как умение ездить на велосипеде – раз научился, то на всю жизнь.

Кубин отправил пару парней вперед дозором. Остальные двинулись следом, за ними телеги, последние мы.

Матвей Власович какое-то время наблюдал за мной.

– А ты, Володя, раньше на лошадях не ездил, хоть и держишься хорошо.

– Это ты, Власыч, верно заметил. Мы больше на машинах ездим и только иногда пешком.

– На машинах... – пробормотал Кубин и усмехнулся. – Прогресс посадил человека на колеса, и он это оценил. Наверное, и оружие самое совершенное?

– Есть такое. Одним зарядом город уничтожить можно.

– Нет, не надо больше, – вдруг решительно сказал Матвей Власович. – О будущем расскажешь моему другу, и я тогда послушаю, так будет лучше.

– А почему только двоим? Вас ведь трое было.

– Евпатин в Рязани сейчас, – сказал Кубин. – У князя рязанского Юрия Ингваревича сотником. Боярином знатным стал. Кстати! Догадайся, как его там называют?

Тоже мне бином Ньютона. Только услышав фамилию, сразу выстроилась цепочка – рязанский сотник – Евпатин – Евпатий.

– Вижу, догадался.

– Евпатий Коловрат. Но почему? Это же выдуманный и сборный персонаж.

– Я знаю, – кивнул Матвей Власович, – но теперь он настоящий, а не выдуманный. А почему? Так мы его по фамилии называли. Вот и приклеилось. А Коловратом нарекли после того, как он, защищаясь, кол с ограды выдернул, причем самый большой. Бояре смеялись потом: «Поменьше выбрать не мог?» А он злится, не нравится ему, как его называют. Историю он плохо знает. Я ему объяснил, кто такой Коловрат. Но он все равно ворчал, постепенно привык.

– А я думал, что Коловрат – от слова «коло», то есть вечный круговорот, символ колеса. Есть еще знак, типа свастики.

Кубин пожал плечами:

– Ну, так народ называл.

Еле заметная тропа пошла под уклон. Сосновый бор постепенно сменился смешанным лесом с густым подлеском. Тропа вывела на полянку, с края которой стоял кряжистый дуб. Сразу появился вопрос:

– Кстати, знаете, как я, да и вы, попали сюда?

– Как так? – заинтересовался Дед Матвей. – Ты знаешь, как сюда попал? И как?

Интересно, они что, не додумались о месте переноса? Странно. Можно было сопоставить факты и вычислить место. Правда, я их истории пока не слышал, так что рано судить.

– Понимаешь, Власыч, – начал рассказывать я, – один раз я в этом времени уже был...

Телеги плелись впереди, на нас никто не смотрел, и я достал сигарету. Когда еще покурить придется? При аборигенах дымить больше не стоит. Предложил Кубину. Тот благодарно кивнул и тоже прикурил. Я затянулся, пустил дым в сторону и продолжил:

– В первый раз, попав сюда, испугался сильно. Представь, я оказываюсь на месте поселка, которого нет, а на месте фермы из моего будущего – пашня. На ней пашет мужик в простой одежде. Подхожу, хочу спросить, где я оказался, а он меня не слышит. Мало того, я хватаю его за плечо, а моя рука сквозь тело проходит. Думал, с ума сошел. Потом решил, что я умер и привидением стал.

Кубин сразу перекрестился:

– Свят-свят.

– Вот-вот. Представляешь мое состояние? Потом, как успокоился, стал эксперименты ставить. После того, как рукой ударился. Что интересно, предметы разные в руки свободно брал, а сквозь тело – рука как через пар.

Кубин опять перекрестился.

– Потом я рядом с семьей мужика этого сидел. Курил, и представляете, дым от сигарет женщина учуяла. Я как раз решил пересесть, как девка бежит, кричит «степняки!». Мужик распорядился, как и что кому делать, оделся в бронь и ускакал.

– Погоди-погоди, – встрепнулся дед Матвей, – это в конце апреля было? Так это ты Борису помог?

– Получается так, – кивнул я. – А тебе про это откуда известно? Кто рассказал?

– Борис, конечно. Отцу ни слова, а мне, наставнику своему, рассказал. Я и не поверил, думал, выдумал все. Только не знал, как объяснить, откуда он трофей изрядный взял?

Затянувшись, Кубин поперхнулся, прокашлялся, сказал виновато:

– Лет тридцать не курил. Что дальше было?

– Ну, после того, как я Борису помог, к дереву вернулся, с которого, как потом выяснилось, все и началось.

– Что за дерево? – тут же спросил Кубин.

– Дуб. Огромный. Я рядом грибы собирал. Далековато от дома, но для ноги полезно. Выхаживался, так сказать, после ранения. Потом присел у ствола отдохнуть. Затем рядом ворон каркнул. Я от неожиданности подскочил и головой о нарост на стволе приложился. Тут вся чертовщина и началась.

Глянув на изумленно крестящегося Кубина, добавил:

– Я ничего не придумываю. Сам в изумлении был. Сначала обнаружил, что пропала корзина. Она рядом стояла. Затем понял, что у меня нога здоровая. Абсолютно! А ведь пять операций было! И все без толку. Правда, шрамы все остались, но, видать, бывшие раны на здоровье не влияют. Потом к поселку пошел – и завертелось.

– Невероятно! – пробормотал Кубин, он собрался вновь перекреститься, но рука его замерла на полпути. – Я припоминаю, что зуб у меня страсть как вечером болел, а проснулся утром – прошло... извини, перебил.

– После всего я опять к дубу вышел. Так как понял, вся катавасия началась рядом с ним. Приложился к стволу и почувствовал, что что-то произошло. Смотрю – корзина моя стоит. И я понял, что в свое время вернулся.

Какое-то время ехали молча. Старик, отвернувшись, смотрел в глубину чаши. Догадываюсь, какие мысли у него сейчас в голове, и не прогадал:

– А мне и моим друзьям вернуться в свое время можно?

– Матвей Власович, – как можно мягче сказал я, – как ты это представляешь? Меня назад вернуло в то же самое время, и минуты не прошло. Считаю, я будто из своего времени и не пропадал вовсе. С вами гораздо сложнее. Представь: ты появился в родном доме, что произойдет? Узнают ли тебя? Для них ты молодой был, а тут появился старик, извини. А еще, я думаю, древо, что вас сюда кинуло, искать надо. Именно то самое. А что ты скажешь по поводу брата? Матвей Власович, с тобой все в порядке?

Кубин, обхватив голову руками, начал раскачиваться и стонать. Жаль, коньяка мало взял. Больше надо было. Я выудил фляжку – как знал, что пригодится – и подал Кубину:

– На, выпей, Власыч, и не волнуйся.

Он поднял лицо. В глазах стояли слезы. Глотнув из фляжки, он проговорил:

– Ты прав, черт возьми. Прав. Не возвратиться нам уже назад. А я-то понадеялся...

Кубин помолчал, затем, вздохнув, спокойно спросил:

– Скажи, зачем ты второй раз сюда пошел?

– Мой отец всегда говорил: сердце – женщине, душа – Богу, долг – Отечеству, честь – никому! Я видел, как сражался Борис. Видел погань степную. Я знаю историю. И знаю, что будет этой зимой! Просто не могу по-другому. Русский я. Поэтому мой долг – Россию защитить, пусть она сейчас пока не такая, как в будущем, но все РОДИНА. Как отец мой защищал. Как оба деда моих на войне. Понимаешь?

– Понимаю, – облегченно вздохнул Кубин. – Значит, я в тебе не ошибся. Ты нам очень нужен. Мы тут тоже сложа руки не сидели. Многие пытались сделать, но нас не слушали. Кто мы для князей? Я и Кулибин все это время пытались доказать Великим князьям, что Русь надо объединить. Не вышло, а сейчас у нас должно получиться!

Я покосился на старика. Нужен, значит? И как он смотрел на меня, когда крест увидел...

– Давай-ка, Власыч, к тому разговору вернемся. Давай про крест и прочее объясняй.

– Начну с того, род Владимира Дмитриевича от Рюриковичей идет. Ныне он удельный князь, вассальный великому князю Юрию Всеволодовичу. И у него такой же крест, от отца своего полученный. Но креста было два, абсолютно одинаковых! Вторым у его родного дяди Ивана Владимировича, что был ближником великого князя Всеволода Юрьевича. После Липицкой битвы, когда Константин Всеволодович на отцов стол сел, что-то у них не заладилось, и Иван вместе с семьей и своей дружиной вдруг отъехал от нового великого князя. Говорили, на восток. И никаких вестей от него больше не было. Так вот, у Ивана Владимировича имелся сын – Владимир. Смекаешь?

Я покивал, смекаю, мол, нащупывая фляжку. Остался ли коньяк или нет? История эта на страсти мексиканские похожа. Однако основной смысл вопроса Кубина я понял.

– Ты предлагаешь мне представиться сыном этого Ивана Владимировича?

– Да! – радостно закивал старик. – Ведь и отчество совпадает! И самое главное – как ты думаешь, какое было прозвище прадеда боярина Владимира Дмитриевича?

Осталось только пожать плечами – откуда я могу такое знать?

– Велесом его звали! И всех потомков тоже! Каково, а?

Что ж, сюрпризы еще не кончились.

– А почему этот дед получил такое прозвище? Ведь Велес, насколько я знаю, бог – и бог языческий!

– Э-э-э, нет, ты ошибаешься. Прозвище не совсем от самого бога Велеса. Вспомни надпись – «Княжьего сына волохатого храни Иисус Христос!». Христос и волохатый, да на кресте! Так что не от языческого бога прозвище, а от мохнатого – волохатого – волоса – велеса. Понятно?

– И это значит, что прозвище совпадает с моей фамилией!

– Не только...

Появилась мысль, что я просто сплю. Сумбурный сон какой-то. Ну, не может так все совпасть! Стоп, что не только?

– Власыч, что ты последнее сказал?

– Ты и Владимир Дмитриевич похожи. Я когда разглядел тебя в первый раз, думал – с ума сойду. – И вдруг Кубин встрепенулся: – Володя, я вот что подумал: а не является ли Владимир Дмитриевич твоим предком?

Слова Матвея Власовича заронили в мои мысли сомнение. А мог ли быть этот боярин моим предком? Из рассказов отца я знал: Велесовы всегда были на военной службе, но и жили под Нижним Новгородом. Возможно, после раскола в церкви мои предки ушли в керженские леса. Однако это было в семнадцатом веке. Так что сомнительно думать, что боярин Владимир Дмитриевич и все его родственники здесь могут быть моими предками.

– Не думаю. – И я изложил старику свои мысли по этому поводу.

– Пускай не предки они тебе, но для дела надо...

– Ладно, – согласился я, – представлюсь я сыном Ивана Владимировича. Тем более что имя менять не надо, только что мне это даст?

– Иван Владимирович, – проникновенно произнес Кубин, – старший брат Дмитрия.

– Власыч, перестань говорить загадками!

Кубин вздохнул и принялся объяснять:

– Володя, тут имеет место старшинство по роду. Так как Иван Владимирович – старший из братьев, то по лествичному укладу и сын его, то есть Владимир Иванович, княжить в уделе должен вперед своего двоюродника. Хоть это все, конечно, еще вилами по воде – главное слово здесь Великого князя Владимирского.

Бр-р-р! Я помотал головой – пока не понятно, куда клонит Кубин. Мне что, надо явиться к этому боярину, то есть к князю, трахнуть кулаком по столу и заявить свое право на этот самый княжий стол? Или престол. Или удел...

– У Владимира Дмитриевича под рукой полторы сотни бояр, – продолжил объяснение Матвей Власович. – Еще дети боярские. И они не одни исполчаются, а с холопами своими. Так что ратников, вместе с земским ополчением, князь до пятидесяти сотен собрать может.

А, так вот он о чем толкует! В будущей «зимней кампании» понадобится много воинов, и Кубин хочет, чтобы я встал во главе поместного войска. Заманчиво. Старшинство и уклады – это хорошо, однако как это сделать?

– Власыч, а расскажи-ка мне все про князя.

– Сильный и умелый вой, как командир... хороший сотник, но воевода... посредственный. Это и великий князь Юрий Всеволодович отмечает, поэтому началовать его в походах не ставит. Сместить удельного князя со стола сложно, – признал Матвей Власович. – И расположение остального боярства навряд ли прибавится, кому ж охота насиженного-то места лишаться? А потому желательно тебе с Владимиром Дмитриевичем договориться совместно управлять: ему – княжий суд и земскую власть, а тебе – охрану княжества да воеводство в городском полку, чтоб твое слово во всех военных вопросах было первым.

– Согласен, это лучший выход, – кивнул я, – и порукой тому будет мое финансирование. Взятой на меч казны должно хватить.

– Да, и в этом нам поможет Кулибин, то есть протоиерей Григорий. Он большое влияние на князя имеет.

Тем временем местность стала как будто знакомой. Вот овражек с родником, он и в моем времени был. Там, за лесистым холмом, была Заимка, та, что в будущем. Интересно, а в этом времени она тут же?

– Ладно, Власыч, для начала надо с князем познакомиться, а там посмотрим, как дела пойдут.

Поднялись на холм, поросший молодыми соснами, и впереди показалась крепостица. Ух! Если это та Заимка, то она древнее нашего областного центра. Жаль, в летопись не внесли. А сколько таких селений, которые, возможно, древнее Нижнего Новгорода, а то и Москвы?

Крепостица была обнесена глубоким рвом, валом и простеньким четырехметровым частоколом, из-за которого виднелись крыши домов, построенные в два этажа, а то и в три.

Нас увидели с проездной башни и закричали, створы ворот моментально захлопнулись, и начал подниматься перекидной мост. Когда до ворот осталось метров сто, Кубин остановил коня и, махнув нам, чтобы стояли на месте, медленно поехал к стене. Его, видимо, узнали, мост опустился, и ворота стали открываться. Из проездной башни выбежал пацан с криком:

– Дед Матвей приехал!

– Трифон! Вымахал, пострел, совсем богатырем стал!

Кубин подхватил его и посадил впереди.

Когда мы въехали в ворота, я увидел на крыльце большого дома Волоша, Агафью и очень знакомого ратника.

Откуда я его могу знать? Знакомое лицо... задумался... нет, не помню, странно. Пока пригляделся к хозяевам.

Вот так сюрприз! Волош, он же Владимир Дмитриевич, то есть удельный князь собственной персоной. А я его еще мужиком кликал, это князя-то. Хорошо, что он меня тогда не слышал! И лицо... действительно, мы похожи, и почему я в первый раз это не заметил?

Одет князь, на мой взгляд, не по-летнему, но богато! На голове шапка с высокой тульей и меховой опушкой. На плечах плащ с запонью на правом плече. Под плащом рубаша с серебряным узором. На ногах сапоги зеленого цвета. У княгини Агафьи наряд не менее богат, а то и более, чем у князя, – шикарное шелковое платье, полностью скрывающее фигуру, с воротником золотого шитья, с подолом, окруженным золотым шитьем и жемчугом. На голове тоже шапка с небольшой, но узкой тульей и свисающими вниз нитями жемчуга.

Как радушные хозяева, княжья чета вышла на крыльцо встречать гостей. Что ж, посмотрим...

Сразу за воротами мы спешили. Телеги проследовали в глубину двора. К нам подбежали молодые парни и приняли наших лошадей. Я выразительно посмотрел на Кубина, тот понял мой взгляд и шепнул пару слов двум отрокам из нашей команды, те кивнули. Один парень направился к телегам, а второй снял мои сумы с налучьем, зачехленным карабином и подошел к нам.

Матвей Власович первым шагнул к крыльцу, следом я, за мной Демьян. Но, опережая нас, к крыльцу понеслась Софья Ильинична.

– Батюшка!

– Софья?! – удивился тот ратник и кинулся навстречу. – Ты как тут? Откуда...

Владимир Дмитриевич посмотрел удивленно на девушку и повернулся к нам. Брови его полезли вверх.

– Здрав будь, княже! – поздоровался Кубин.

– И ты здравствуй долгие лета, Матвей Власович, – кивнул в ответ князь, косясь на меня.

Во взгляде его читалось недоумение и тревога. Неужели он признал во мне своего двоюродника?

Тем временем Кубин обернулся и представил меня:

– Познакомься, княже, с боярином Владимиром Ивановичем.

Во дворе стало тихо, только слышалось бубнение Софьи, прижимающейся к ратнику. Князь буравил меня взглядом и хмурился, наверняка просчитывая варианты поведения. Надо будет при первой возможности сказать, что на его удел не претендую, можно будет даже поклясться, положив руку на Библию, сердце или просто словом. Наконец он принял решение:

– Что ж, здравствуй... боярин...

Имени не назвал. Не рады тут моему появлению. Ладно, посмотрим...

Владимир Дмитриевич посторонился, и вперед выступила княгиня Агафья с большим деревянным резным ковшом:

– Испейте, гости дорогие, с дороги квасу хлебного!

Кубин принял с поклоном ковш, приложился и сделал несколько глотков, затем передал его мне. Я посмотрел внутрь. Е-мое! Да тут литра три, а Старик отхлебнул всего-то чуть-чуть! Зараз я не пил столько. За спиной сопел Демьян, он парень здоровый, ему аккурат эта емкость за мензурку сойдет. Вдохнул побольше воздуха и начал пить шипучий квас. Но до чего он вкусен! Не то что в наше время, рецепт бы узнать. Влил в себя почти литр, и желание узнать рецепт исчезло, а с последующими глотками вовсе забыл напрочь. И тут вижу, что Демьян отошел и что-то тому знакомому ратнику тихо говорит на пару с девушкой. Пришлось пересиливать себя и допивать напиток. Слава Богу, что водки еще нет, а то налили б ее в этот тазик. Свалился бы тут у крыльца. Наконец я победно перевернул ковш. Кажется, правильно сделал, потому что князь крякнул одобрительно:

– Силен, боярин! Корец в треть ведра осилил!

Пошутили, что ли? Ну что ж, я тоже шутки люблю, только их надо тщательно продумать, чтоб не обидеть предков с черт знает каким чувством юмора. В голове слегка зашумело, местный квас градус имел, как у пива.

– Княже?! – это подошел тот ратник.

Владимир Дмитрич повел рукой:

– Это, гость дорогой, боярин Илья Демьянович из рода Гориных, сотник великого князя!

Вспомнил! Как имя произнесли, сразу вспомнил! И сразу легкий холодок проструился по спине. Не от страха, а от непонимания – вещей снов я прежде не видел. Это же тот ратник из кошмарного сна, в котором раз за разом, сражаясь плечом к плечу, мы погибали. Сначала он, Горин, затем я. Брат по битве, брат по вере, брат по пролитой крови.

Мы синхронно поклонились друг другу. Я промолчал, а боярин начал благодарить:

– Боярин, спасибо тебе за дочь мою, из неволи поганской освобожденную! Долгие лета и милость Господа нашего!

– И тебе здравия! – ответил я. – Это долг наш боярский – Русь защищать!

– Что ж, славные речи! – сказал князь и показал рукой на дом: – Проходите, гости дорогие, в дом. Отобедайте с нами.

Вошли в просторную комнату. Кубин отцепил оружие и положил на лавку у стены, я тоже снял саблю. К нам подошел паренек и стал помогать снимать брони. Затем прошли к большому столу и сели.

– Сейчас стол соберут, а пока... – Владимир Дмитриевич сел напротив нас, – поведайте – какие вести есть?

– Плохие, Владимир Дмитриевич, плохие, – ответил Матвей Власович, – поганые вновь объявились. На меня с отроками напали вечером недалече. Отроков я в лес послал,

чтоб утечь успели, а сам сплеховал, уже связанным очнулся. Дочь Ильи Демьяновича там увидел.

– Ведаю об этом, – кивнул князь. – Вчера степняки поганые на Полески налетели. Захара Демьяновича и смердов в куски порубили на поле, а всех молодок в полон увели.

– Господи! Спаси и помилуй! Прими их души.

– А по вечеру Полина Демьяновна и племянница Луша все побитые пришли, эту весть принесли. Я по поместным боярам гонцов послал, чтоб исполчались, и от обеда на поиск идти собирался.

– Как побитые, княже? – спросил Кубин.

– С виду целы, синяки на руках да малые порезы. Только у Полины плечо зело болит. Смотрели старые вои, говорят, перелом, но они не уверены. Нет у меня достойного балия.

Балий – это медик, что ли? Медподготовка у меня чуть ли не в подкорку вбита. Был такой у нашего начальства бзик – уметь помимо прочего провести хирургическую операцию при ранении...

Шучу, конечно, но оказать первую помощь могу вполне профессионально. Первое впечатление у князя не очень, может, так хоть симпатию заработаю.

– Княже, – подал я голос, – дозвожь раны посмотреть. Есть у меня снадобья, что помочь могут.

Владимир Дмитриевич чуть подумал, затем сказал одному из парней, что за спиной у него стояли:

– Вот что, Емельян. Евдокии передай, как Полина Демьяновна и Лукерья проснутся, чтоб нас позвала.

– Исполню, Владимир Дмитриевич.

Парень с поклоном исчез. А Велесов спросил Кубина:

– Матвей Власович, а как же ты из полоната-то вырвался?

– За это спасибо боярину Владимиру Ивановичу... – И Кубин поведал, как я лихо перебил всех степняков и отправил вражин в геенну огненную. В общем, стрелами я всех положил, только нескольких зарубил и одного в полон взял. И что на меч взял оружие и товаров всяких, умолчав про сундук с казной. А потом пленников освободил, даже накормил...

Агафья, что сидела тихой мышкой все это время, встрепенулась:

– Оставьте пока разговоры. Ешьте и пейте, вина я распорядилась поболее принести. Помянем убиенных.

Наконец обратили внимание на то, что было на столе. Глядя на заставленный стол, проще сказать, чего тут не было, чем перечислить, что есть. М-да, заморской икры не хватает да торта, пожалуй. Торт заменяло множество всякого печива. И это все натуральное, без консервантов и вкусовых добавок. Все достали ножи и стали накладывать себе на большие ломти хлеба кто что. Так, тарелок тут нет, вот вместо них и используют хлеб. Достал свой выкидной нож. На кнопку нажал, придерживая лезвие рукой, чтоб не щелкнуло. Отрезал ломоть хлеба и наколот большой кусок вареного мяса. Добавил к мясу жареного рябчика. Пододвинул поближе миску с приправой. Неожиданно из-за спины появилась рука с кувшином и налила вина в большой бокал, похожий на кубок. Овернулся – сзади стоял парень, наливающий вино уже Кубину. Я отпил вина – недурно, вкусом похоже на аликанте.

Велесов поднялся с кубком в руках:

– Выпьем, бояре. Помянем всех, что живота лихован.

Поднялись и выпили стоя. Не успел служка наполнить бокалы, как Горин поднялся:

– За князя Владимира Дмитриевича, долгие лета!

Выпили, и шума в голове прибавилось. Похоже, выпитый квас смешался с вином. Налег на закуску.

– Княже, – вбежавший в комнату паренек поклонился, – Евдокия сказала, что Полина Демьяновна проснулась.

Мне пришлось сходить в комнату, где сложили оружие и сумы. Не доставая ранца из сум, нащупал аптечку. В ней у меня много чего имеется. Белая пластиковая коробка с красным крестиком в самом углу может привлечь излишнее внимание. В суме нашелся мешочек, не большой, но довольно просторный, чтобы открыть коробку не вынимая из мешка. Меня проводили в маленькую, по сравнению с остальными, комнату. Со мной в светлицу зашел Велесов, Горин и Кубин остались в коридоре. В углу стояла кровать, точнее то, что я сначала принял за кровать. На широких полатах с матрацем, похожим на слоеный торт, собранный из соломенных тюфяков и меховых шкур, лежала женщина. В глазах ее стояла боль.

– Вот, Полуша, – представил меня князь, – боярин Владимир Иванович, зело в лекарстве сведущ. Поможет тебе с язвами твоими справиться.

Я чуть поклонился:

– Здравствуйте, Полина Демьяновна. Давайте посмотрим на вашу руку.

Женщина округлила глаза, испуганно проговорила:

– Как можно раздеваться пред чужим мужем?

Вот ведь скромность русская! Как в баню всем вместе ходить, и мужикам и женщинам, так можно, как снять рубашку, так застеснялись.

– Лекарю смотреть можно. Как вылечить больного, не видя его? Рубашку только снимите, остального не надо, а за пристойностью боярин Велесов присмотрит. Или кликните кого-нибудь из женщин.

Велесов тут же выкрикнул:

– Евдокия, Марья!

В комнату вошли женщина и девушка в широких юбках-поневах, под которыми угадывалось еще множество юбок, одетых, видимо, для пышности. Велесов, выходя, распорядился:

– Помогите в лекарском деле боярину Владимиру Ивановичу.

– Теплой воды, руки обмыть, принесите, – добавил я.

Ну, вот и славно. Нехотя, но рубашку все-таки сняли, и теперь, прикрыв груди снятой рубашкой, Полина Демьяновна лежала чуть на боку, прикусив губу от боли. Ополоснув руки, отодвинул помощниц в сторону и осмотрел плечо. Имелась припухлость в районе сустава. Дотронулся до плеча в разных местах, спрашивая:

– Тут болит? А тут? И здесь тоже?

Получая ответы, понял, что у женщины сильное растяжение связок. Положил руку на лоб, жар присутствует, значит, таблетки однозначно. Повернулся к помощницам:

– Клюква в доме есть?

– Есть, боярин, как же не быть-то, – прошамкала бабка Евдокия.

– Истолочь и залить кипятком!

– А полотно для новой повязки нести, батюшка?

– Да, и побольше.

– Слыхала, Марья? – рявкнула на девку бабка. – Отвар неси и повязок.

Марья исчезла за дверью.

– Я для облегчения болящей велела клюквенный квас вдоволь давать, да вон кувшин-то стоит... – и Евдокия показала на стол. – Ты, боярин, не беспокойся, родимый, сей же час клюкву девки истолкут и брусничный лист... зачем лист-то? Да как же без него, касатик? Испокон веку при любом жаре его запариваем...

Слушал скороговорку бабки и кивал. Слово вставить все равно бы не успел. Вытерев руки, я достал из аптечки мазь, не вынимая аптечку из мешка. Левомеколь должна помочь снять опухоль и боль. Стал осторожно втирать мазь в плечо. Боярыня лежала молча, только

раз скрипнула зубами. Больно, знаю. Не раз получал растяжения и переломы. Один раз, еще зеленым юнцом, получил перелом руки далеко в горах. С тропы сорвался. И, как назло, ни одного обезболивающего. До ближайшей точки с медпунктом километров пятьдесят напрямую. Но в горах напрямик только на вертушке, а пешком топать в три раза больше, кто хоть раз был в горах, знает. Пока дошли до дороги и вызвали транспорт, прошло пять часов. В медпункте даже пришлось резать куртку, так как руку раздуло. Сам я все помнил смутно, сильно болела рука и почему-то зубы. Потом рассказывали друзья, что я всю дорогу зубами скрипел.

Пока втирал мазь, принесли то, что просил. Глянул на полоски ткани, больше похожие на мешковину, – коротковаты, хотя зафиксировать руку пойдет. Так, чтобы повязку наложить, боярыню поднять и посадить надо. Боярыня опять взъерепенилась. Стал объяснять Евдокии, что надо сделать. Повторил раз двадцать, вроде поняла. Сам, отвернувшись к мешку с аптечкой, принялся готовить питье. В кружку с клюквенным морсом покрошил две растертых в порошок таблетки анальгина. Повернулся, боярыню уж спеленали, даже руку правильно к телу притянули. Проверил настой, вроде не очень горяч.

– Полина Демьяновна, вот выпейте. Это поможет снять жар и боль.

– Спасибо, боярин, – слабо улыбнулась женщина, – мне уже легче. Руки у тебя добрые.

Я объяснил Евдокии, что надо сделать, когда боярыня проснется, и вышел в коридор. Там стояли нетерпеливо топтавшийся Горин, Велесов и дед Матвей. Князь сразу спросил:

– Ну что?

– С ней все в порядке. Спит опять. Что делать, я Евдокии пояснил.

– Добре. Матвей Власович, Илья Демьянович, идите, други, за стол, а нам с Владимиром Ивановичем разговор вести надобно.

Владимир Дмитриевич повел рукой, приглашая идти за ним. Я поймал ободряющий взгляд Кубина, кивнул и пошел за князем.

Эта светлица была просторной, с большим слюдяным окном. В центре стол с лавками по бокам, у стен большие сундуки. И высокий резной столик с множеством полок, очень похожий на бюро. Князь подошел к окну и всмотрелся куда-то.

– Я помню наши игры, – произнес князь, – ты всегда меня побивал...

Невольно улыбнулся: детские обиды движут князем или все-таки тревога за свой удел?

– Давай забудем старые обиды, – предложил я, – все, какие есть между нами. Кто старое помянет, тому...

– Тогда скажи, – Владимир Дмитриевич развернулся и посмотрел мне в глаза, – зачем ты пришел?

Я вздохнул, так придется давать клятву, что его удел мне не нужен.

– Брат, я не буду говорить, что склоки меж родичами – зло, грех. Можешь не верить, но я не требовать удела пришел...

– Склоки – грех, – согласился князь. – Чего же ты хочешь?

Глава 5

Во дворе слышался какой-то шум. Но у меня было срочное дело – три литра кваса и полулитра вина вовсе не шутки. Полагая, что туалет должен находиться на улице, я выскочил из терема, остановил проходящего мимо парня и спросил, где находится отхожее место. Парень показал куда идти. Пройдя метров двадцать вдоль стены, за углом обнаружил туалет. Такое строение не спутаешь ни с чем. И через восемь веков строить так же будут. Только этот еще резьбой разукрашен. Наскоро подивившись на древнее зодчество, нырнул внутрь.

Оправившись, вернулся к крыльцу и увидел въезжающих в крепостицу всадников. Один из них показался мне знакомым. На крыльцо вышли князь, Горин и дед Матвей. Знакомый воин прыгнул с коня и шагнул к крыльцу.

– Здравствуй, батюшка. Здравы будьте, бояре.

Он поклонился и подошел к Велесову. Тут я его и узнал. Это был Борис, старший сын Велесова. Владимир Дмитриевич обнял сына, потом повернулся и представил меня:

– Знакомься, это боярин Владимир Иванович.

Борис пристально на меня посмотрел, затем поклонился.

– Здрав будь, боярин.

– Сколько воев привел, ратник? – спросил князь Бориса.

– Два десятка, отец. Еще с Выселок подойдет боярин Керженья со своим десятком. Но не это главное. У местечка, где Люнда большую петлю делает, степняков видели. Сабель сто. Похоже, на дневке стоят. Полона не видать. Мыслью, не скоро они с места снимутся. Я там холопов оружных оставил на присмотр.

– Знаю это место, – кивнул князь. – Что скажешь, Илья Демьянович?

Горин покачал головой:

– У Люнды, говоришь? У тебя тут два десятка воев, Борис привел еще два. Вместе с нами чуть меньше пяти десятков получается.

Горин замолчал, думая.

– Не забывайте, бояре, про отроков, – подал голос Кубин.

– Так они и не новики даже! – удивился Горин.

– Не стоит этих отроков недооценивать, – вмешался я. – Они толково придумали, как освободить боярина Матвея Власовича, только опоздали малость.

– Да-да, – согласно кивнул Матвей Власович, – Демьян, Треша и Макар – очень хорошие лучники и придумали справно, сзади зайти...

– Там одно, здесь другое, – возразил Горин. – Тут бронные ратники нужны да опытные. А их порубят, и оглянуться не успеешь. И луки у отроков охотничьи, бьют недалеко.

– Илья Демьянович, можно вынудить степняков делать то, что мы хотим. Тогда и от парней толк в бое будет.

Князь взглянул на меня и сказал:

– Ну, растолкуй, Володимир Иванович, как поганых заставить плясать под нашу дудочку.

– Хитростью выманить их. Пусть десяток отроков проедет на виду у поганых. Они за ними кинутся. Любят они за беззащитными гнаться. А мы ударим навстречу. И вообще, во первой надо место то смотреть, возможно, лучше придумаем.

– Добре, – кивнул князь, – так тому и быть.

Я нашел глазами Демьяна, он стоял с парнями у коновязи.

– Демьян! – Как он подбежал, сказал ему: – К выходу готовься. Бронь мою вынеси и сумы, оружие проверь, свое и мое.

Он кивнул и кинулся в дом, а я подошел к деду Матвею. У меня было много вопросов, да и у него ко мне, думаю, тоже не мало.

– Ну, как прошло? – спросил Матвей Власович.

– Поговорили, – усмехнулся я, – по душам. И о княжестве говорили, и о воеводстве моем. Еще о том, почему до сих пор по княжеству шляются степные разбойники и их никак не могут найти и уничтожить.

– А не перегнул ли ты палку, Володя? – сказал Кубин. – Ведь это для князя как бы вину, не справляешься, мол, в своем уделе.

– Ничего, – усмехнулся я, – это я «по-братски» его пожурил. Однако тут же разложил по полочкам причины неудачного преследования и поисков. Это больше всего князю не понравилось.

– Что именно?

– А то, – зашептал я старику, – что кто-то среди окружения князя шлет весточку поганым о всех намерениях княжьей дружины.

– На Кутерьму намекаешь? – оглянувшись, тоже шепотом произнес дед Матвей. – Я лично Лисина знаю, и отца его, и брата. Очень смелые бояре. В сражениях труса не праздновали. Тут в сказаниях народ явно ошибся.

Я пожал плечами. В былинах много чего добавлено для красного словца, додумано, а порой и откровенно наврано. Кутерьма, он же Лисин Григорий Макарович, в сказании о Китеже фигурирует как предатель, показавший монголам тайный путь ко граду. Возможно, боярина обогнали, а может – нет. Вообще в сказании много противоречий. Например, как Батый после разорения многих городов узнал о Китеже и после битвы с русскими полками приказал захватить этот город, куда отступил великий князь Юрий Всеволодович. Исторические справки говорят о том, что великий князь погиб в битве при реке Сить, и поэтому он никуда отступить не мог. Еще – как может уйти город в озеро, если размеры он имел большие, чем сам Светлояр? По словам Кубина, Китеж вообще находится в полутора верстах от озера. На реке Люнда. Поэтому не стоит верить всему, что говорится в предании, и действовать осторожно.

– И что сказал на это князь? – спросил Кубин.

– Владимир Дмитриевич сказал – не верит в иуду среди бояр, вот в то, что кто-то из мордвы служит поганым, он готов верить. А по мне, никаких решений князь не принял, сказал – подумает.

– Значит, будет проверять – какой ты воин, – сделал вывод дед Матвей.

Я согласно кивнул. Хоть князь вида и не подал, но явно отнесся скептически к рассказу о том, как я лихо освободил Кубина и дочь Горина из плена. Его право.

Появился Демьян с Макаром, положили суммы, оружие и бронь.

– Мы лошадей управлять, – сказал дюжий отрок, и оба парня умчались к конюшне.

Мы начали надевать на себя кольчуги. Когда прицепили оружие к ремням, Макар принес два трофейных щита. Оба круглые, но один деревянный с умбоном и кожей обтянут, а второй из прутьев сплетенный. Даже название вспомнил – «халха». Вот, бляха, сейчас бы тот щит из нержавеющей и бакализированной фанеры, что Куклин для ролевика сделал! Броня, а не щит, пусть и тяжелый.

– Власыч, – привлек я внимание Кубина, – щит-то – смех один.

– Щит как щит, от сабельного удара сбережет, – пожал плечами Матвей Власович, – от копья... Макар! – И Кубин сказал подбежавшему парню, чтобы принес другие щиты.

Я по привычке попрыгал, проверил, как выходит сабля, сколько в туле стрел... заодно пистолет в налучи. Макар принес щиты, две рогатины и запасные тулы со стрелами, а Демьян подвел лошадей. Погрузили суммы на заводных, поднялись в седло. Остальные бояре уже были верхом и ждали князя. Владимир Дмитриевич появился на вороном жеребце, под-

нял руку и выехал из крепостицы первым, следом направились я, Кубин и Горин, а за нами остальные ратники.

* * *

Горин, Велесов, Кубин и я стояли на пригорке за кустами ивы и осматривали стоянку степняков. Они расположились в весьма удобном месте, ничего не скажешь. Подобраться тихо не получится. Поляна, точнее узкое поле, заросшее травой, растянулось с вершины пологого холма на полкилометра и заканчивалось полосой сухого камыша. Самой реки видно не было, только высокий яр противоположного берега.

Вширь поляна была чуть более пятидесяти метров, местами сужалась, но у самого камыша раздавалась на сотню, или даже полторы, метров.

– Внезапно не ударить, – сделал вывод Горин, – успеют подняться в седло.

– Ну, что скажешь, боярин, на это? – спросил меня князь.

– Есть мысли, – ответил я. – Но нужны уточнения. Илья Демьянович, вон за теми кустами и камышом что?

Горин глянул.

– Там трясина, а далее река.

– А за холмом? – показал я в сторону.

– Перелесок.

Ну что, все понятно. Идею ударить прямо из леса отмел сразу, тут он был густ, сплошь чапарыжник и бурелом. Выход один – атаковать от вершины холма. Плюсы – вниз по уклону лучше скорость и легче лошадям. Минусы – как правильно заметил Горин, успеют подняться в седло, но это пусть, сила удара латной конницы страшна, а среди кочевников никто лат не имеет. Минус в другом – успеют закидать стрелами атакующих ратников. Если не поранят людей, так лошадей побьют. Значит, надо ударить, подгадав момент, когда поздно будет кидать стрелы. Сделав знак отойти, направился в глубину леса. У елки высокой сдвинул в сторону самую нижнюю лапу, разбросал старые иголки и палочкой нарисовал увиденную местность. И начал пояснять свои мысли, показывая палочкой на рисунок:

– Смотрите, бояре. Встаем тут. Здесь ставим лучников, то есть отроков. Как поганые поднимутся по склону до вот этого места, мы и ударим, а отроки пусть им в бок бьют, а то и в спину.

– Толково, – кивнул Горин и посмотрел на князя.

– И как их выманивать? – спросил Владимир Дмитриевич. – Али вечера дожидаться будем?

– Пусть часть отроков на лошадях поскачут к поганым, стрельнут раз из луков, и сразу назад. Чтоб успели в лесу спрятаться.

– Побьют ведь!

– Другие мысли есть?

Все посмотрели на рисунок. Молчали, думая.

– Тогда можно сделать чуть по-другому, – выдал я еще один вариант действий. – Выманивать поганых будут не отроки, а холопы. Дюжины, мыслю, хватит, а отроки пусть на опушке стрелами поганых встречают.

Горин, подумав, кивнул и посмотрел на Владимира Дмитриевича.

– Быть по сему, – решил князь.

Молча спустились в овраг, где скопилось наше войско. Князь выделил десяток холопов и принялся им втолковывать задачу. Матвей Власович собрал всех отроков и тоже начал объяснения. Я подошел к своим лошадям. Рядом объявился Демьян. С деловым видом стал

поправлять сбрую, осмотрел свою рогатину. Похоже, что он собрался в копейной атаке участие принять.

– Демьян, ты что тут делаешь? А ну, марш к деду Матвею. Он сейчас там о будущей сечи речь ведет.

Демьян вскинулся:

– Я не чалый отрок, чтоб в броне по кустам сидеть. А лучников хватит. Наших и боярина Велесова отроков с две дюжины есть.

Пробежался взглядом по этому парню. Статью и ростом он фору многим боярам даст.

– Матвей Власович, – обратился я к подошедшему Кубину, – вот Демьян собрался в копейную атаку. Как думаешь, брать или нет?

– Такого в качестве тарана грех не взять, – усмехнулся дед Матвей. И добавил строго: – Во втором ряду пойдешь. И вперед не лезть! Понял?

– Понял! – Лицо Ильи засияло.

Я поднялся в седло и... замер – на толстой сосновой ветке сидел ворон. Огромный. Каркнет или нет? Пусть лучше молчит, а то накаркает еще. Пернатый вестник взлетел и скрылся в чаще леса. Проводил взглядом ворона и сплюнул три раза через левое плечо.

Князь поднялся в седло и поднял правую руку. Так, с поднятой правой рукой, и двинулся по тропе. За ним потекли десятки бронных ратников. Замыкали колонну Горин, Демьян и я.

Дед Матвей принял командование отроками и выдвинулся вслед за нами.

Для того чтобы выполнить задуманное, отряду пришлось обойти поле лесом. Так как скорость передвижения снизилась, то вдоль лесной опушки пешком двигались два наблюдателя, на случай появления дозора степняков, или если они снимутся со стоянки. В этом случае план надо будет менять. Через час вышли к небольшому перелеску. Вперед ушел пеший отряд в десяток ратников – проверить, нет ли у степняков дозора на выходе из поля. Ведь, по сути, кочевники в ловушке сидят. Так и оказалось – часовые имелись. Их тихо вырезали и подали знак нам. Вперед выехали парни с дедом Матвеем и, не доезжая края рощи, скрылись за деревьями. Князь махнул рукой, и холопы легкой рысью ускакали в поле выманивать кочевников. Я с Демьяном выехал из перелеска. Остановился около князя. За нами чуть стали выезжать ратники, выстраиваясь в две линии. Горин обернулся:

– Как поганые в погоню кинутся, Матвей Власович знак подаст.

За нами ратники деловито подтягивали доспехи, двигали сабли в ножнах, в общем, привычно готовились к бою. Я осмотрел собственные латы, вроде все нормально. Шлем на месте, то есть если на голову его надеть. Водрузил на голову, чуть не забыв подшлемник, который мне нашел дед Матвей. Бармицу откинул, пока. Проверил саблю – в ножнах не застревает, латы сидят удобно, перчатки надеты, копьё рядом. М-да, надо очень постараться попасть этой оглоблей во врага и самому уклониться, или отбить щитом вражеское копьё. Кстати, о щите. Надо будет заказать новый щит, по типу куклинского.

– Знак, княже, знак!

Мы, привстав, всмотрелись в край рощи. Там махал руками парень. Князь поднял копьё вверх и крикнул:

– Не посраим ратной славы наших отцов и дедов! С нами Бог!

И, опустив личину, пустил коня в рысь. Мы нагнали князя и, ускоряясь, начали собираться в плотный ряд. Я обернулся – прямо за мной, во второй линии, скакал Демьян. Из-под бармицы азартно блестели глаза. Страх в них нет. Мне тоже не страшно, даже странно...

Из-за рощи вылетели холопы, за ними в двухстах метрах скакали монголы, похоже, вся сотня. Нет, не вся. Отроки из рощи всюду стреляли из луков, и очень метко. Степная сотня разделилась, шесть десятков преследовали холопов, остальные, прикрываясь щитами, свернули в сторону стрелков.

Князь опустил копьё и закричал:

– Китеж!

– Ки-ите-е-еж!

Сбившись еще плотней и опустив копьё, мы мчались на степняков. Похоже, наша хитрость удалась, они не ожидали встретить кованую конницу и растерялись. Половина степняков, осадив коней, закрутилась на месте и начала метать стрелы, остальные, опустив копьё, поскакали навстречу.

Две конных лавы стремительно сближались. Я уже отчетливо различал злобные вражьи лица. Все ближе и ближе. Выбрал того, кого наколю на свое копьё. Прицелился и чуть отвел руку назад, Теперь главное не промахнуться. По спине пробежал холодок и исчез, как будто его сдуло ветром. Мыслей в голове не стало. Степняк, готовясь отбить копьё, приподнял перед собой щит. Я целил прямо в него, чуть опустив наконечник вниз.

Сшиблись! Каким-то чудом успел отбить вражье копьё вверх. Мое же попало в край плетеного щита, пробило его насквозь и погрузилось в тело. От удара ратовище выбило из руки. В этот момент краем глаза уловил мелькнувшее лезвие другого степного копьё, успел подставить щит, но сильный удар буквально выдернул меня из седла. «Вот и все», – пронеслось в голове. Грохнувшись на землю, с удивлением отметил, что еще жив, только в легком нокдауне. Рядом лежит мой щит с расщепленным краем. Затем что-то падает на меня, и я отключаюсь.

* * *

Сколько уже валяюсь? По крикам и звукам боя – совсем немного, может, только пару минут в отключке лежал. Шевельнулся и чуть не взвыл – больно, блин. Приподнялся. Из-за торчащей во все стороны травы видно только небо с мелкими облачками. Скрипнув от боли зубами, перекатился на бок и, опираясь на щит, попробовал подняться. Дернуло в боку так, что потемнело в глазах. Черт! Провел левой рукой вдоль тела, но крови не обнаружил. Нашупал только разорванные кольца кольчуги, дальше – черт его знает. В голове немного прояснилось. Сделал глубокий вдох. Если ребра были бы сломаны, то больно было бы дышать. Но боль не утихала, похоже на ушиб, но не уверен. Чуть приподнялся, оглядывая место схватки. Везде лежали только тела степняков. Это что же, я один сбит был? Или просто не вижу. Рядом кто-то зашипел с подвывом. Пришлось чуть сдвинуться, чтобы посмотреть: это оказался сбитый мною степняк. Он держался за пах, похоже, моя рогатина пропорола ему причинное место. Ну, ему оно больше не понадобится. Рядом взрыл землю конь. Поднял голову. Под бармицей узнал довольную физиономию Демьяна. Жив, слава Богу.

– Цел, боярин?

– Вроде. Рентген бы сюда или томограф. Тогда ясно будет, цел или нет. – Последнее пробормотал тише. – Встать помоги. Коня моего не видел?

Демьян покрутил головой.

– Вон он. Сейчас приведу.

Он поймал и привел моего коня. Спрыгнул и помог подняться. В боку опять дернуло, неужели ребра все-таки сломаны? Скверно будет. Я ухватился за седло правой рукой, ослабил на поясе ремень, приподнял подол кольчуги и сунул руку под бронежилет, заменивший мне поддоспешник. Ощупал бок – сухо, крови нет. Скинул ремень полностью, поднял кольчугу и посмотрел на большой рубец на бронике. Старый бронежилет, вкупе с кольчугой, спас меня. Прав был Васька, когда говорил, что бронник – это лучший поддоспешник. Если вернусь, спасибо ему скажу.

Чпок!

Демьян спрятал кистень, а держащийся за пах монгол ткнулся лицом в землю. Сурово и справедливо. Кстати!

– Демьян, а у нас убитые или раненые есть?

Он рассмеялся.

– Нет, боярин Владимир Иванович. Мелкие язвы, абы и говорить не trebно.

– А что поганые?

– Поганые в камыш попрятались, там и сидят. А те, что в сшибке уцелели, сначала к роще поскакали, но дед Матвей с отроками и боярами их из луков всех постреляли.

Такая удача в бою редка. С нашей стороны убитых нет, даже тяжело раненных не имеется. Чудесно, что еще сказать! Поднял поврежденный щит и повесил его к седлу, затем поднялся сам. Сидя боль была более терпима. Как заводных коней приведут, так мазью натру, и повязку наложить надо бы.

К нам подъехал дед Матвей. Оглядел меня и улыбнулся.

– Жив? Вот и славно.

Потом повернулся к отрокам и холопам:

– Приберите тут все. Коней и добро там соберите. Третьей старший. – И, кивнув мне, легкой рысью пустил коня к боярам, что стояли на холме.

– Поехали, Демьян. Тут без тебя справятся.

Я пустил коня шагом, чтоб меньше тревожило ушиб. У камыша стояли бояре. Некоторые скакали вдоль зарослей, выцеливая степняков, с луками наготове. Я медленно подъехал к стоящим вместе Горину и Велесову. Они что-то обсуждали. Горин говорил, что надо прочесать камыш и убить всех поганых. Князь согласился, что убить, конечно, надо, но не лезть в топкую заросль, а просто обстрелять его стрелами.

– Тут воза два стрел на каждого боярина потребно. И то, мыслю, не всех поганых истребим.

Князь посмотрел на меня:

– Что скажешь, Владимир Иванович? Не подумай, что трусим, но терять ратников не дело.

Я посмотрел на заросли – а чего тут гадать? Решение просто до невозможности. Сухого камыша тут в достатке. Только спичку поднести.

– Выжечь.

– А верно, бояре. Выжечь, и вся недолга.

Горин вдруг кашлянул:

– А как же... Ведь луки у поганых добрые. А... – И махнул рукой.

Велесов нахмурился:

– А поганые от огня в реку не бросятся?

Я пожал плечами:

– Даже если и бросятся, пока по яру поднимутся, стрелами перебьем, хотя... вряд ли – у них стойкая боязнь воды. Они и грязь не смывают, боясь счастье и удачу смыть.

– Как это не моются? А реки они как переходят?

– Броды есть, – я опять пожал плечами. – В воду ведь кони входят. Даже на лошадях, чтоб не замочить, ноги поджимают.

Когда в Монголии жил, заметил, что в баню только русские и ходили. Удивился только раз, когда в баню зашел, как показалось, монгол, а оказалось, что наш офицер, казах, уж больно похож был на местное население. Потом узнал про «счастье и удачу».

Два ратника споро разожгли костер, взяли палки с намотанными на них тряпками, пролили их чем-то и сунули в огонь. Факелы вспыхнули, выбросив облачка черного дыма. Подбежали к зарослям и разошлись в стороны, поджигая сухой камыш. С сухим треском огонь разрастался. Казалось, горят не сухие камышины, а порох. Огонь сожрал край зарослей и

быстро побежал вдоль берега. Бояре разделились на два отряда. Одни с приготовленными луками следовали за огнем, другие, чуть отъехав в сторону, приготовились отсечь степняков, на случай прорыва их из горящего камыша. Огонь быстро уполовинил заросли. Среди густо летающих искр и дыма проглядывался высокий яр противоположного берега. Если монголы и смогут с помощью лошадей переплыть на другой берег, то взобраться на яр не получится. Там омут и сразу подъем высотой четыре метра. Странно, в моем времени я не видел Люнду в таком виде. Там она течет спокойно, берега пологие, и заросла камышом и тиной. Да и не такая широкая, как здесь.

В камыше раздались крики, бояре сразу натянули тугие луки и выстрелили на голоса. Некоторые стали метать стрелы с невероятной скоростью. Было видно, как то тут, то там трясется камыш от мечущихся в панике степняков. Вот-вот догорят остатки...

Из огня, визжа от ужаса и рассыпая искры, вырвались всадники. Бояре защелкали луками, как из пулемета. Выскакивающие из огня степняки не проезжали и десяти метров, на глазах превращаясь в дикобразов с иглами в виде стрел. С реки раздалось несколько шумных всплесков. Похоже, кто-то решился спастись от огня в реке, или, скорей всего, лошади сами понесли от пожара прочь, не слушая своих седоков. По реке проплыли четыре коня и, отфыркиваясь, выбрались на берег уже у сгоревшего края, но без седоков.

Вот и все. Князь с Гориным и с частью бояр поскакали к куче трофеев, а я подъехал к деду Матвею. Появился Демьян, сияя ярче новой гривны. В руках держит лук. Дед Матвей нахмурился.

– Где ты взял этот лук, отрок? – Тон Кубина не предвещал ничего хорошего.

У Демьяна улыбку сдуло с лица, лук он спрятал за спину, а сам понурился.

– Это лук боярина Володимира Ивановича. У боярина все равно кольца нет, как бы он его натянул?

Дед Матвей, подъехав, отвесил подзатыльник, прямо по шлему. Да так, что он съехал на глаза.

– Спрашивать надо, бестолочь. Сними шишак-то, руку отбил, – затряс отбитой рукой дед Матвей. – И много поганых ты настрелял?

Демьян скинул шлем и глянул исподлобья:

– Каждый второй – мой.

Кубин захохотал. Я тоже усмехнулся.

– Ну-ну, Робин Гуд. Три десятка ратников по двум дюжинам поганых стреляло, и каждый второй – твой?

А дед Матвей, отсмеявшись, сказал:

– Перехвалил я тебя давече, перехвалил. Но насмешил, отрок, ой, насмешил. Только не ври боле. И не хвастай. Не дело это. Грех!

– Я правду говорю! – вскинулся Демьян. – Доказать могу. Поедем, бояре.

И поскакал к телам степняков. Мы с Кубиным не спеша направились за ним. Демьян остановился у убитого степняка и показал на тело:

– Вот, бояре, мое доказательство.

– Ну, стрелы, и что?

Парень, не смутившись, показал на оперение.

– Посмотрите, бояре. Мои стрелы трехперые, а у остальных два пера. Мои стрелы убили поганого.

Я показал на утыканное стрелами тело.

– А эти стрелы его что, пощекотали?

– Я их выдернул из головы, посмотрите.

Мы слезли с коней и посмотрели на голову степняка. Обе глазницы были пробиты. Демьян сказал гордо:

– И так у дюжины.

Мы в молчании обошли все трупы. Что говорить? У двенадцати глаз не было. В них торчали трехперые стрелы.

– Ну, ты даешь! Прямо, Вильгельм Телль какой-то.

Кубин покачал головой:

– Нет слов.

Демьян задрал нос:

– Я ж говорил.

– И зачем ты две стрелы тратил на каждый глаз?

– А оно так верней будет.

Я посмотрел на тело степняка. В нем так стрел с тридцать торчит, а дед Матвей озвучил мой вопрос:

– Остальные бояре, значит, их не убили бы тремя дюжинами стрел в каждого. И скажи мне, зачем тратить вторую стрелу, если первой попал куда целил? Ведь в два раза больше настрелял бы поганых. Токмо время терял. Чему я тебя учил?

Демьян понурился:

– Как лучше хотел.

– Как лучше он хотел. Броню нацепил, а ума не прибавилось.

К нам подъехал князь.

– Что тут у вас, бояре?

– Посмотри, княже, – показал на Демьяна Кубин, – зело вострый лучник у нас появился. Половине поганых в каждый глаз по стреле вогнал.

Взгляд князя остановился на налучье, с боевым луком.

– А где сей отрок добрый лук взял?

– Дал свой, на время, – ответил я за парня. – Надо же отроку боевые трофеи иметь.

– Ну, коли так, – князь посмотрел на трупы степняков, хмыкнул, глянул на деда Матвея и сказал: – В каждое око, говорите? А ну, отрок, видишь, береза на отшибе стоит? Положишь три стрелы в трех вершках от каждой, то дам самый добрый лук.

Я оглянулся. Метрах в двухстах стояла береза. Трудную задачку подкинул «брат» для парня. Но расстояние Демьяна не смутило, он наложил стрелу и, резко оттянув тетиву, выстрелил. На стволе одна за одной выросли три стрелы.

– Поедем, бояре, – сказал Владимир Дмитриевич, – глянем на стрелы. Коли Демьян в урок уложился, самый добрый лук из добытых ему дадим.

Подъехав к дереву, князь посмотрел на стрелы и довольно произнес:

– Что ж, выполнил урок достойно! А теперь победу и отпраздновать не грех. С обеду отъехать пришлось. Пойдемте, бояре.

И показал на расстеленные ковры, где холопы споро расставляли снесь. На медных блюдах лежали запеченные гуси, зайцы, копченая рыба. Несколько пузатых бочонков с вином. Деревянные плошки с квашеной капустой, мочеными яблоками и брусникой. Откуда только все взялось? Вслед за нами обозом шло?

Холопы расставили медные кубки, выбили крышки у бочек и споро разлили вино по кубкам. Велесов поднял свой кубок вверх:

– Выпьем, бояре, за брань удачную, за буюсть воев лихих. Слава!

Наполнившие кубки бояре взревели:

– Слава!

На пустой желудок выпивать – это гарантированное быстрое опьянение. Почти сразу зашумело в голове, и я поспешил закусить. Отхватил кусок хлеба и оторвал ногу запеченного гуся. Не успел откусить от ножки, как Горин поднял кубок:

– Выпьем, бояре, за острые сабли наши, что век не затупятся о головы поганых. Слава!

– Слава! – Я поставил пустой бокал, и появившийся рядом холоп сразу наполнил его вином. Не успел я вкусить гусиной ножки, как сидящий рядом Кубин поднял кубок:

– Выпьем, бояре, за князя! Многие лета! Слава!

– Слава!

Да, любили на Руси вина попить во все времена. Я и закусывать не успеваю. Если так дело пойдет, скоро окосею. Вино тут коварное. Не успел дожевать ножку, как меня двинул локтем Кубин. Посмотрел на него – дед Матвей глазами показывал на кубок. Ага, теперь мне тост произносить. Точно окосею. Тихо вздохнул и поднял кубок. Огляделся. На меня уже внимательно смотрели. За победу выпили, за воинов тоже, за князя кубок подняли, тогда... на глаза попался Демьян...

– Выпьем, бояре, за новиков, славных воинов будущих! Слава!

– Слава!

Кажется, тост понравился, так как, выпив, бояре закричали наперебой, повернувшись к дальнему концу коврового стола:

– Сюда славного новика!

– Где стрелец вострый, что поганым стрелами зрици целовал?

– Сюда Косую Сажень!

Поднялся смущенный Демьян. Под крики бояр подошел к нашему краю. Ему сунули полный кубок.

– Выпей, новик, за первый славный бой свой!

Демьян, улыбаясь смущенно, огляделся. Что-то дернуло меня подняться и крикнуть:

– Бояре, есть обычай такой. Новики пьют вино с оружия доблестного.

Все взоры обратились на меня. Я выдернул саблю, поставил кубок на клинок и стал пить, стараясь удержать совсем не легкую емкость. Демьян, глядя на меня, попытался повторить – не пролив ни капли, выпил он вино и тут же уронил кубок. Я же допил до дна, снял и поставил кубок на ковер. Бояре одобрительно взревели:

– Любо! Любо!

Вскочили и, поставив кубки на сабли, стали повторять трюк. А Горин, выпив вино, подкинул саблей вверх медную чарку и разрубил ее пополам. Все опять взревели криками. Князь одобрительно крикнул, явно забавляясь действием.

– Ой, любо!

Похоже, чуть переделанный обычай пить с локтя боярам пришелся по вкусу. А Горин, озабоченно озираясь, закричал:

– Трифон! Кубок мне принеси.

То тут, то там в стороны разлетались разрубленные пополам кубки.

Пока бояре развлекались порчей посуды, я занялся закуской. Не хотелось заснуть головой в салате. Салатов тут не было, зато имелись деревянные блюда с брусникой и квашеной капустой, мочеными яблоками и сушеными фруктами.

Отрезав себе вареного мяса и оторвав еще одну ножку запеченного гуся, я принялся за еду. Кубин, отхлебнув вина, наклонился и произнес:

– Владимир Иванович, ты бы хоть совета спросил. Они ж как дети. Нового что дай, не успокоятся. Теперь всю посуду переколотят и упьются, как сапожники. Даже дозоры не выставят. Пойду хоть отроков озадачу.

Потом Матвей Власович подчерпнул еще вина в почти опустевшей бочке, вскинул кубок и прокричал:

– Боярству удалому и непобедимому слава!

Опьяневшие бояре взревели наперебой:

– Слава! Слава!

Дед Матвей под эти крики незаметно исчез. Я, прожевав мясо, запил вином, набрал в руку кураги с орехами из деревянного блюда, закинул смесь в рот и огляделся. Горин с Демьяном о чем-то бурно спорил, размахивая руками. Немного в стороне бояре пытались в очередной раз повторить трюк с кубком на сабле. Получалось плохо. Подкинутая чаша летела больше вбок, и пьяные ратники рубили воздух, тут же падая. Не поразрубили бы друг друга. Ничего, скоро кубки кончатся, и развлечение заглохнет само собой. Интересно, как вино пить будут? Бочку по кругу пустят? Ага, двое отроков деревянные ковшики разносят. Чуть дальше, в десяти метрах от ковров, холопы развели костры, и на некоторых запекались большие куски мяса. По-видимому, конина. В бою пали лошади, правильно, чего добру пропадать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.